

ТЁМНЫЙ ДОМ

Арсений Коваленко

Самая первая история любви

Арсений Коваленко

**Темный дом. Самая
первая история любви**

«ИТРК»

2017

УДК 82-312.9
ББК 84-445

Коваленко А. С.

Темный дом. Самая первая история любви / А. С. Коваленко —
«ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-477-2

Кто мы, зачем мы здесь, откуда мы пришли и куда лежит наш путь, почему мы такие, какие есть, мы поймём всё это только в конце дороги или никогда. Это забытый эпос, сжатый до безумия и рассчитанный только на нашу генетическую память, рассказывающий историю тех, кто прошёл чуть больше и чуть раньше нас.

УДК 82-312.9
ББК 84-445

ISBN 978-5-88010-477-2

© Коваленко А. С., 2017
© ИТРК, 2017

Содержание

Книга I	6
Глава 0. Береста	6
Часть первая	7
Глава 1. Милый-милый дом Стейси	7
Глава 2. Неудачная попытка	9
Глава 3. Маленькие проблемы больших людей	12
Глава 4. Среда	14
Глава 5. Судьба и упрямство	18
Глава 6. Неистины от истинных	20
Глава 7. Истины от неистинных	22
Глава 8. Вождь вождей	25
Глава 9. Право очень сильного	28
Глава 10. Острый пол	30
Глава 11. Хороший повар нужен не везде	32
Глава 12. Гост	36
Глава 13. Самое великое разочарование	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Арсений Сергеевич Коваленко
Тёмный дом. Самая первая история любви

© Коваленко А.С, 2017

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

Книга I

Тёмный дом

Обращайся с человеком так, будто завтра он умрёт.

Глава 0. Береста

Вне времени

Память – скоротечная ветренная дрянь. Мы забудем абсолютно всё и каждого из тех, кто был с нами рядом или кого мы встречали на своём пути. Тернист ли путь на повороты, прост ли он и прям, судьба всегда ведет нас разными дорогами к одному концу. И единственный конец всего – полное небытие. Годы смоят абсолютно всё, и людей и события, всё хорошее и плохое. Большая боль, страсти и страдания, любая мелочь, всё это будет забыто каждым или его потомками. К чести человека стоит отнести то, что мы очень быстро забываем всё плохое, но и к минусу стоит отнести обратное: мы забываем всё хорошее и даже быстрее чем плохое. Сначала великие потрясения жгут нашу совесть, а память как бы говорит внутри нас «не забуду – не прощу». Но проходит год, десять лет, и уже то, что было надрезом на твоей страдающей душе – заживший шрам. Пройдёт двести лет, и твои потомки уже не будут помнить, из-за чего болела твоя душа. Все события сотрутся, и совсем ничего не останется, только пустота, да и пустоты не останется вовсе. У новых поколений появятся новые причины для страдания души и новые надрезы на ней. Их проблемы будут ближе к их жизням, чем твои, давно забытые дела, да и сам ты будешь забыт.

Имя – единственная ценность в нашей жизни, которой мы владеем от рождения и до самой смерти. Но как бы не возвышалось твое имя среди лучших представителей народа, время и его смое, сотрёт из памяти всех будущих поколений. Мал ли подвиг, велик ли вклад, круги на воде все равно превратятся в гладь.

Поэтому я записал эту историю слово в слово, событие в событие. Это не только моя история, а всего нашего народа. Каждый, кого она коснулась, сохранит в памяти её фрагмент, и только я сохраню всё целиком и надеюсь отсрочить тот момент, когда всё забудется. Я помню каждого, кого встретил на своём пути, с кем говорил или просто соприкоснулся взглядом. Я запомнил всех вас, и хороших и плохих, вы навсегда в моей памяти. Но и я не вечен, поэтому это для вас, моих потомков. Никогда не забывайте, откуда мы пришли и кто мы такие. Всегда помните, чем пахнет свобода.

Часть первая Разные оттенки тёмного дома

Глава 1. Милый-милый дом Стейси

Настоящее время

– Дедушка же был астронавтом...

Она не унималась, щёки покраснели и высыпали маленькими точками, прекрасное лицо пылало яростью молодой, но, по правде сказать, ещё не умудрённой жизнью девушки. Девушка не привыкла, когда ей отказывают, особенно, если это делают самые близкие и дорогие люди.

А ей очень активно отказывали:

– Стейси, милая. Был. Тут ключевой момент, что он БЫЛ астронавтом. И дедушка был им очень много лет назад.

Она с жаром парировала:

– Ну, может у него остались знакомые, коллеги из центра управления полетами, я не знаю...

Рассудительность мужского голоса была неумолима:

– Опять же, если они и остались, то остались у НЕГО, а не у меня.

Высокий мужчина неопределенных лет быстро выходил из себя. Когда он нервничал, он постукивал подушечками пальцев по столу, и это было вестником скорой бури. Зарозовевшие щёки с точками появились и у него, ведь именно от него они и передалась юной и очень упрямой девушке. И по-женски приметив перемены в высоком мужчине, Стейси решила зайти с другого фланга:

– Па, я тебя часто о чём-то прошу?

– Милая, займись лучше обучением в своём, уже, между прочим, оплаченном колледже.

Стейси заорала на весь дом протяжное: «М-А-А-А-М!». Отец неприятно поморщился и перестал отбивать такт пальцами. На зов почти сразу же пришла мама, но перед тем как заговорить, она торопливо подошла к окнам гостиной, отодвинула смешные бежевые занавески с красными цветочками и убедилась в том, что окна плотно закрыты. Так соседям меньше «корма» для сплетен. После чего она внимательно и строго осмотрела своего мужа, с нежностью и строгостью тоже – на свою единственную дочь, после этого примирительно сказала, как ни в чем не бывало:

– Что ты кричишь, как на день прощения у земли, милая?

– Папа не хочет мне помогать!

– Ты уже взрослая и ты прекрасно понимаешь, что не хочет и не может – это две большие разницы.

Стейси замолчала, обиженно сморщив прекрасный носик и нервно перебирая какую-то салфетку в руках. Она дочь своего отца, и от него привычка теребить что-то в руках в моменты высшего нервного напряжения. Сморщившись, бедная салфетка, превратившись в трубочку, уже начинала рассыпаться в руках.

Отец взял инициативу на себя и тоже примирительно сказал:

– Послушай милая, в десятый раз тебе говорю, не осталось у меня знакомых. Сам я космос не очень, а у дедушки, наверняка и знакомых-то в живых никого уже нет, столько лет прошло.

Стейси оставила в покое измученную салфетку и с отчаянием оглядела нежно-светло-голубую гостиную с любимой с самых ранних лет старомодной мебелью. Привычные ещё с детства, милые цветастые подушки на диване и креслах, были сейчас совершенно равнодушны к её беде. Она оглядела круглый чёрный стол, большой экран на стене, портреты семьи и дальних родственников, прославленного дедушки в белом старом космическом скафандре со шлемом в руках на синем фоне. Даже сам дедушка с фотографии сейчас смотрел на неё хоть и с доброй иронией, но ещё там сквозило безразличие.

Стейси уже почти сдалась, теперь она решила применить «ядерное оружие», как тогда в далёком детстве, это срабатывало два или три раза:

– Па, я сама туда никогда не попаду...

Но отец жестоко её удивил. И тут она поняла, что детство окончательно и бесповоротно закончилось. Он произнёс не то, что она хотела услышать:

– Мы оплатили твой колледж, и ты будешь дипломированным поваром!

Стейси стало по-настоящему обидно, ведь она всегда была довольно самостоятельной девочкой, по крайней мере, как сама она считала про себя и говорила подругам. Частично она сама заработала на свой колледж, и вообще всегда была сама по себе, этакая «эмансипе». Чем она очень гордилась, и так или иначе, всегда показывала это миру. Но первый раз в жизни, когда ей была по-настоящему нужна помощь родителей – самых близких и любимых людей, они не хотели, явно не хотели ей помогать. Конечно это все пустые отговорки, что нет знакомых и так далее, ведь папа всегда мог помочь ей через свою работу. Отец Стейси, руководил одним из средних подразделений огромной промышленной корпорации, которая занималась производством различных комплектующих, в том числе и для космической индустрии.

Она злилась не на них, хотя на них она тоже злилась, она скорее злилась на себя. Её выводило из себя, что она так долго не знала, чего хочет на самом деле, а когда узнала, было уже поздно. Её злило, что её судьба закрутилась не в ту сторону, а начатый ей не так давно самостоятельный путь пролёг не через те места. Она злилась на всё вокруг: на эти отвратительные старомодные занавески, диван с продавленными секциями, с множественными мерзкими подушками, от которых рябило в глазах. На дедушку с иронической улыбкой, которого уже не было больше двадцати лет в живых, она злилась особенно сильно. Она злилась на саму жизнь и судьбу.

Все её козыри и нерушимые аргументы подошли к концу, и уже больше от досады, не надеясь на победу, она заявила родителям:

– Это моя мечта, я поняла, что рождена именно для этого!

На её удивление, обычно привычные для её отца, слова произнесла мама:

– Стейси, дорогая, твоя мечта меняется каждые несколько месяцев, наверняка через какое-то время ты будешь мечтать о чем-то другом. Более... эээ... реальном.

Голос мамы был мягок, но повелителен. Стейси начала вредничать, уже совсем не надеясь выиграть хоть что-то из этого семейного скандала, который она сама начала и она же проиграла:

– Нет, не поменяется.

– В кого же ты такая упрямая, милая?!

– В дедушку я такая упрямая.

Случайная фраза Стейси про дедушку, сказанная вот так, как кинутая собаке – кость, зажгла какое-то противоречивое чувство в её душе. В её глазах разгорался пожар, потушить который уже никто и никогда не сможет. Её мама, угадав в роковой фразе дочери, огненное зарево большого пожара, который уже поднимался над горизонтом, сильно испугалась. В дочке просыпался отец её мужа, упрямый и вздорный старик, который шёл до конца, и ничего не боялся. И, в конечном счете, таки, старый дурак, добился своего, побывал в космосе. От одной сказанной фразы вся ситуация начала выходить из-под родительского контроля, мать уже чуяла

угарный газ. Ложная победа над своим ребенком, естественно дочке же во благо, таяла прямо на глазах.

Надо было предпринять что-то экстренное:

– Это не безопасно, Стейси! Не думаешь о себе, подумай о нас с папой, мы посеем. Я не переживу этого! Ты хочешь, чтобы твоя мама умерла от разрыва сердца или сошла с ума? Ты слышала, что младший из Коллинзов, разбился насмерть, а он еще только стажировался.

Стейси закатила глаза и стала изучать круглый торшер посередине гостиной. Она уже не очень-то слушала маму. В ней пробуждалось дедушкино упрямство на грани глупости и желание идти до конца, во что бы то ни стало. Тут же она решила начать свою новую жизнь, с отстаивания своей правды:

– Все очень безопасно, ма! Даже сам гражданент вчера говорил про это, что мы должны быть сильными, должны быть вместе, вперед к звёздам, и всякое такое...

– Но родителям Фреда теперь...

Стейси перебила маму:

– Ну и что теперь?! Тысячи граждан каждый день гибнут в дорогах, что теперь, пешком ходить?!

Родители грустно посмотрели на Стейси. Всё-таки какая ещё их дочь юная и наивная, ведь сама не знает, чего хочет. В безрассудном чаду юношеского максимализма, назло своим родителям подвергать себя такой опасности могут только глупые дети.

Разговор продолжался очень долго, но в целом ходил по одним и тем же рельсам. Стейси капризничала и убеждала всех и больше всех – себя, скандалила и стояла намертво. А родители не могли, не хотели ей помогать, ведь Стейси слишком часто меняла свои увлечения и желания. Родители всегда поддерживали её во всех начинаниях, но в этот раз это слишком. И они тоже встали намертво. Неразрешимый конфликт разных поколений и страх за своё единственное чадо, казалось, заставляли их говорить на разных языках друг с другом. В какой-то момент Стейси поняла, что всё это совершенно бесполезный разговор, у неё уже давно высохли слезы и гудела голова. Стейси хотела свободы, и она знала, чувствовала это где-то глубоко в душе – свобода в космосе.

Глава 2. Неудачная попытка

Настоящее время

Он, насупившись, молчал, играя желваками на угрюмом лице, которому незнакома улыбка.

Я же выходил из себя:

– Мы постоянно что-то планируем, но без толку. Быстрее наши койки сбегут, чем ты.

Вторая часть моей фразы была уже лишней, и сорвалась так, от злости и безысходности.

Он, нервно задрал голову вверх, неопределенно провел рукой по давно зарубцевавшемуся шраму на шее, после чего горделиво сказал:

– Ты видишь это?

Я машинально погладил аналогичный шрам на своей шее. Старая отметка, опоясывающая верхнюю часть шеи, знак того, что и я прошёл посвящение. Но это было глупо, ведь у всех присутствующих есть шрамы на шее, иначе тебя бы просто не было в живых. Этого ему показалось мало. Он вытянул руку в проём, наполненный бледным электрическим светом. Множественные грубые рубцы на руке, следы сотен битв, заиграли тенями и переливами. Всё это показалось мне смешным и совершенно пустым. Повисло напряжённое молчание, и сам воздух

в страхе замер. Остальные молчали, впившись глазами либо в него, либо в меня. Раздувалась буря, успокоить которую можно, только если накормить её кровавой жертвой.

Он всё понял буквально и принял на свой личный счет, как голословное обвинение в трусости. Бледнее и зверея, он заговорил с огромной злобой в голосе, выговаривая каждое слово отдельно, цедя их сквозь зубы:

– Да не пировать мне в высоких залах вместе с Богами, если я боюсь. Побег это святое...

Нехорошее предчувствие посетило меня: в его словах было гораздо больше, чем он хотел сказать. Я резко его перебил:

– Святое, говоришь?

– Да чтоб мне ежедневную норму не выхаживать, если не святое...

Я надавил с угрозой в голосе:

– Святое???

Он неожиданно промолчал, а у меня было уже не остановить:

– Есть что по делу сказать? Давай, мы слушаем.

Он, теряясь, сказал:

– Я уже сказал...

Я опять его перебил:

– Больше тебе сказать нечего.

– Но...

Я практически заорал на него:

– Подкоп, мятеж, что ещё? Всего два варианта? Что в твоём плане нового? Мятеж через подкоп? Или подкоп через мятеж?

Я выжидающе уставился на него. Он замолчал, весь как бы собрался, готовясь к решительной битве. Вдруг я услышал от него то, что теперь должно было стать его последними словами:

– Ты не чуешь запаха свободы и поэтому не приведёшь нас к ней, ты слишком стар, Вождь.

Ненависть разлилась по жилам, в висках застучало, перед глазами забегали кровавые зайчики. Быстрым движением я разбил ему нос, другой рукой схватил за волосы и сильно ударил головой об стойку койки. На миг он потерялся в пространстве, кровь залила ему лицо, и этого мига мне было вполне достаточно. Схватившись в него обеими руками, я резко выдернул его из угла, и сбросил в пропасть. На секунду я увидел его лицо в проеме электрического света над самой бездной. Не понимающее, отчаянное лицо, полное ненависти и страха. При падении с такой высоты у него нет шансов, это гарантированная смерть. Но я пожалел, что не оторвал ему номерную бирку, это было опрометчиво с моей стороны. Если он каким-то чудом выживет, это создаст мне множество проблем.

Но характерного звука удара тела об пол или предсмертного крика не последовало. Это был очень дурной знак. Я даже закрыл глаза от досады. Через миг я открыл глаза и увидел, что многие свесились со своих коек и с интересом наблюдали за происходящим. Я медленно выдвинулся из темноты в проём химического света и посмотрел вниз. Ублюдку очень повезло, когда я вытолкнул его со своей койки, он полетел вниз и ударился об ряд нар напротив и как-то смог зацепиться за одну из них. И теперь несколько рук, пролезая из темноты в лучи желтого света, надёжно держали его и аккуратно подтягивали к себе. И вот через миг, он растаял в темноте одной из коек напротив. Счастливая мразь. Теперь он будет гораздо осторожнее, и, следовательно, я в большой опасности.

Старшие угрюмо молчали, ведь мои проблемы – это их проблемы. Со всех сторон на нас смотрели тысячи глаз, они терялись в темноте. Держать удар взглядов, год от года все сложнее и сложнее. Я еще долго не смогу заснуть после такого адского напряжения сил. Пальцы ныли, голова ходила ходуном.

Взглядов нацеленных на нас стало заметно меньше. Я не знал это, но чувствовал по сменявшейся атмосфере и самому воздуху. Воздух, пронизанный взглядами, всегда волнист и подвижен, а когда взглядов становится меньше, и сам воздух замирает, успокаивается. За долгие годы, я научился чувствовать, когда на тебя смотрят, а когда нет. Звуки вокруг подтверждали мои мысли, многие отворачивались и переключались на свои личные проблемы. Для них всё осталось по-прежнему: вождь жив и силен, больше ничего интересного для них здесь нет.

После нескольких фраз разговор со старшими вернулся в привычное русло. Ещё через какое-то время, один за другим, они меня покинули, цепко перелезая через ряды коек, тая во мраке между нар. На прощание они старались не смотреть мне в глаза, но особенно трепетно пожимали мне руку. Они боялись, что я прочту в их глазах «ты слишком стар», и поэтому прятали свои взгляды. Никто не хотел полететь в пропасть вслед за счастливым ублюдком, зная, что они хоть и ублюдки, но несчастливые. Но мне уже не было до них дела, и до того, которому повезло остаться в живых тоже. Я только думал про себя «ещё один день, ещё один день».

Уже с утра весть о моей победе разлетится по всем, сотни ртов разносят её словами среди других. Тысячи ушей услышат, а сотни тысяч примут это в своих сердцах. Мне предстоит пожать много рук, и эти рукопожатия будут сильнее и уважительнее, чем обычно. Знак того, что и они подтверждают мою власть. И только рукопожатия других вождей будут более добрые и «братские», ведь любой из нас знает, что рано или поздно тоже пройдёт через это. Молчаливая солидарность братьев, чье оружие – это власть. Никто не любит молодых в нашей касте, никому они не нужны, ведь правила и устои давались такой кровью и такой ценой, что никто не хочет ничего менять.

Честно говоря, мне не в чем было его винить, он мой ровесник, и с каждым днём его шанс стать вождем таял, как и наше время. Я хорошо его понимал, он хотел почувствовать вкус власти, не зная, насколько она горька. Пока ещё жив, он хотел ощутить, что прожил не зря. Но если он ощутит вкус власти, то обязательно поймёт, что прожил зря. Имеющие власть не делятся ею не из-за того, что бояться ее потерять. Они знают, насколько это бесполезная ноша, но однажды взвалив её на себя, бросить ее уже невозможно. Любая власть это миф, и держится эта сказка не на плечах сильных, а на страхе слабых. Слабые боятся что-то менять, не веря до конца, что хоть что-то можно изменить. С каждым днём смерть приближалась все сильнее и быстрее и её дыхание перед сном мы с ним чувствовали одинаково хорошо. Я отчетливо прочитал все это в его взгляде за миг до того, как гравитация потянула его в бездну. Теперь я обязан его пощадить, ведь он чудом выжил. Сами Боги на его стороне, они зачем-то спасли его от неминуемой гибели. Видимо, они готовят ему особенную судьбу, и сейчас, зализывая свои раны, он думает как раз об этом. Попытаться опять его убить и тем самым в глазах всех бросить вызов Богам – я не мог. И это он тоже очень хорошо понимает. Своими действиями я не только не убил его, но и подарил надежную защиту.

Но если бы я не показал, кто здесь главный, я бы умер еще до наступления утра. Но не сегодня, а значит ещё день, неделя, месяц, ещё поживу.

Я на секунду закрыл глаза. От напряжения веки горели огнем, теперь надо попробовать расслабиться и уснуть. Каждый, так или иначе, обсуждает побег и любой мечтает об этом. Это тема всегда номер один для нас, единственная дрёма и мечта, потому, что мечтать о большем не возможно, большего мы не можем представить. Иного мы и не знаем, не представляем, только мечта о свободе бороздит наши души и сердца. Это один из немногих поводов, за который можно спросить с вождя, со старшего, с любого из присутствующих здесь.

Но так просто подловить меня, вывести из равновесия, все это неспроста. Здесь сокрыто что-то ещё или кто-то. Наверняка, в заговор вовлечены и другие. Тогда у меня осталось очень мало времени.

Я облокотился перегретым от тяжёлых мыслей лбом к холодной рефренной железной стене, между девятым и десятым выступом. Я посмотрел на череду засечек, которые долго

выводил собственным ногтем. Все выступления оцинкованного железа я знаю наизусть, безусловно знаю, чем отличается пятый выступ от третьего, или чем отличается седьмой от второго.

Каждую ночь я умираю и рождаюсь с утра.

Глава 3. Маленькие проблемы больших людей

Далёкое прошлое

- Можно.
- Когда?
- Сейчас самое подходящее время, там ночь.
- Последствия?
- Минимальные.
- Что скажет особый отдел?
- Всё о'кей, Питт.
- Ладно, но сначала бургер, не могу думать на голодный желудок.

Обычный человек – маленький человек, частенько думает, что жизнь других людей подчиняется тем же правилам, что и его никчемная жизнь. Обычный человек вполне уверен, что и на великих представителей людского рода одинаково действует сила притяжения, сила совести и религии. Обычные люди верят, что у большого человека тоже может заболеть ножка, может уйти жена, дети могут попасть в плохую компанию. Но так думают только обычные люди. На самом деле, у больших людей не болит ножка, потому что их ноги объект пристального присмотра целой армии врачей. С первого вздоха и до самой смерти, любая возможная болезнь наблюдается и лечится, в том числе и теми средствами, которые еще несколько веков будут лишь фантазией для обычных людей. С их жёнами и детьми проблем тоже не бывает. Конечно, обязательно найдутся люди, которые будут нести чепуху про «богатые тоже плачут», что, дескать, они тоже живые люди со своими проблемами. Даже вспомнят два скандальных развода, один случай преждевременной смерти, и всё в этом духе. Но это похоже на то, как овцы оправдывают волков. И эти обычные люди, думающие в таком роде, всегда упускают из вида, что большие люди не думают о них вовсе.

Если в этом мире нет ничего вечного, что всё когда-то, так или иначе, канет в веках, то большие люди вечны. Это более совершенные организмы, обогнавшие обычного человека по уровню развития и имеющие больше ресурсов. Да, они «условно» смертны, но они сделали себя бессмертными в своих потомках. И обычное доступное для маленьких людей продолжение рода, здесь постольку поскольку. Более развитый коллективный разум дал власть сильным мира однажды и навсегда. У них нет «супер» силы или особенного секрета, делающих их вечными. Но при этом они вечны, когда один из них уйдёт, за ним вернётся он же, только с новым лицом, но начинка будет из схожих генов, а в мозгах – схожие мысли. И такой порядок не рушим веками, тысячелетиями, это за гранью понимания обычных людей. Это редкое исключение, которое лишь подтверждает незыблемое правило, что все вечное – не вечно.

Как, по-вашему, общаются между собой лидер сверхдержавы со своими приближенными? Как они говорят друг другу, что стоит делать, а что нет? Как они взаимодействуют, ругают друг друга и хвалят? Ведь «коллективный разум» это лишь красивое название, но технология придёт к человечеству потом, спустя тысячи лет, а может и никогда. Даже последнему глупцу понятно, что любые средства дистанционной связи не используют для действительно серьёзных дел. Почтовую птицу можно сбить, вестового пытать и узнать всё, звонок/сообщение – перехватить, и так далее. Был бы способ связи, будет и способ его перехвата. Любой человек ответит на этот вопрос сборищем клише и стереотипов: где-то под чёрным домом,

глубоко-глубоко под землей, есть сверхсекретный бункер, в котором гражданент и его люди обсуждают судьбу мира. Там обязательно большой и круглый стол, за которым сидят именитые генералы в орденах. На стене обязательно присутствует карта-скелет планеты с красными отметками важных городов. Ходят важные люди с папками подмышками, военные отдают друг другу честь. Или где-то в парламенте есть какая-то особенная тайная комната, куда можно попасть, только если подтвердили твою личность. Часто вспоминают парадный кабинет чёрного дома, где первое лицо нации обращается к народу. А когда камер и журналистов нет, кабинет превращается в совещательную комнату с ключевыми людьми государства.

Любые варианты, так или иначе, почерпнуты из фильмов и газет, из экранета, откуда угодно, но не из реальной жизни. Никто и никогда не присутствовал лично в таких местах, все только видели картинку. А те редкие счастливики, кто бывал в многочисленных зданиях государственной машины, не видел ничего настоящего. Такой парламент, сякое министерство, а на него наслаивается департамент, который вообще пересекается с управлением всеми управлениями. Их бесконечно много, сколько домов, столько и бюрократических зданий в мире. Даже и работающим на государственную машину людям совершенно ничего не понятно. Такие люди, просыпаются с утра и тоскливо думают, глядя в белый потолок: «А чем я вообще занимаюсь в жизни? Я был создан, подписывать бесконечные бумажки, сметы и приказы? Меня родили на свет, чтобы я проверял бесполезные формуляры?». Видимость работы – одно из больших достижений человечества. И наряду с изобретением самой работы, люди сразу придумали, как её не делать, а только подавать вид.

На самом деле, великие дела вершатся ровно так же, как и насущные проблемы простых людей... Они доедали свои бургеры, а судьба мира уже была решена. Лёгкая и непринужденная музыка наполняла забегаловку приятной атмосферой. Когда некрасивая толстая официантка, которую звали Джесси, принесла заляпанный жиром счёт, старому миру оставалось жить всего несколько минут. Четверо лучших из лучших представителей древнейших родов обессмертивших себя, уже все решили. Питт, Джорж, Федот, и Тедди – четыре головы одного организма, разбросанные в разные тела, лишь для большей стабильности и безопасности.

На стол с дешёвым антивандалным покрытием в круглых узорах подали сочный соус для бургера, а где-то уже творилась история. Если бы салфетка, которой сейчас вытирает рот тот, кто пролил несколько капель соуса на стол, могла понимать, что сейчас происходит, она бы моментально умерла от ужаса.

Федот вытер об неё свои пухлые губы и бросил в угол стола, после чего спросил у остальных:

– Сколько там наших?

– Посольские корпуса, спецслужбы, военный контингент в соседних приграничных странах, немного, может семьдесят-девяносто тысяч человек.

– Гражданенту речь подготовили?

– Да, на лужайке под ясным синим небом.

Он с недоверием посмотрел на небо через гнутые жалюзи в дешёвой забегаловке. Небо было серым и дождливым, тот мрачный серый оттенок неба намекал на то, что в ближайшее время оно синим не станет. Но он ничего не сказал, все эти мелочи и глупости, этим займутся другие, у них есть дела поважнее. Он спросил:

– Как твой сын Джорж?

– Да всё хорошо, шалопайничает.

В разговор вмешался Тедди, благородный и очень худой, солидный гражданин, сидящий у самого окна напротив:

– Моя Джули тоже хулиганит, совсем её избаловали с Люси.

– Может быть, тебе её немножко ограничить?!

– А тебя ограничивали?

За столом раздался вялый хохот от несмешной шутки.

К разговору вернулся тот, кто его начал. Ещё не старый и солидный человек в очень дорогом костюме обычно наводил на других скуку. Он отошёл всего на минуту, позвонить по телефону в стационарной будке около закусочной.

Присаживаясь на свободное место, он скучно произнес:

– Ещё пару минут.

Никто не ответил на это, остальные трое продолжали разговор за жизнь:

– Вчера, моя жена чуть не застучала меня с секретаршей прямо в парламенте, вот был бы цирк.

– Что, не можешь позволить себе уединиться секретаршей в мотеле?

– Я в мотеле и уединялся, кто же знал, что жене захочется прийти ко мне в парламент.

В этот раз смех был несколько сильнее, после заговорил наевшийся толстяк:

– Хочу купить это заведение.

– Сначала тебе надо его продать.

– А... Я забыл.

Некоторое разочарование мелькнуло на лице уставшего от жизни толстяка. Ему уже нечего было покупать, всё и так его, всё без исключений. Потрепались ещё пару минут о том, о сем, после чего Питт, посмотрел на свои неприлично дорогие часы, какие были только у него и у одного очень известного актёра.

Немного торжественно, что не перебивало его скуки в голосе, он произнес:

– Господа, я вас поздравляю, у нас больше нет врагов.

Опять никто не удосужил его ответом, продолжили обсуждать насущные проблемы. И только небо за окном становилось все серее и темнее. Ему уже не суждено было стать синим, оно ещё само не знало этого, и лишь смутно догадывалось, принимая бледно-пепельный оттенок.

В этот момент, другая часть планеты, где обитал вечный и заклятый враг, уже была выжжена дотла ядерным оружием. Уничтожены все сколько-нибудь крупные города, военные силы заканчивали зачищать ничтожные остатки противника. И сейчас уже мало кто вспомнит название той страны, слеповатая память о которой теперь лишь искаженное название в школьном учебнике средней школы по истории.

Глава 4. Среда

Настоящее время

Я брёл под электрическими лампами вдоль бетонной стены, вдыхая мерзкий смрад жизни, который поднимался с земли. Я лениво ловил руки, которые ко мне тянулись со всех сторон. Своими мыслями я был далеко, и даже не особо обращал внимание на весь спектр красноречивых взглядов, рукопожатий, молчаливого одобрения или сочувственного сострадания. Все это скользило вокруг меня, а я проплывал через это дальше. Все чаще я стал анализировать прожитое, вспоминать минувшие дни, и задавать себе вопрос: верно ли я потратил каждый день своей жизни? Но больше всего меня беспокоил другой вопрос: можно ли прожить не верно?

Протяжное железное эхо прокатилось где-то сверху, я поднял глаза в вечный мрак над электрическими лампами.

Я прожил всю жизнь под бетонными сводами с желтым электрическим освещением, и чего-то другого я не видел. Все мои знания о фабрике фрагментарны и неточны. Где мне не

хватило информации, я добавлял свою фантазию. Нельзя доверять ничему, кроме своей фантазии.

Фабрика разбита на бесконечные цеха, выходящие в общую артерию для прогулок. Множество свай шириной в несколько метров улетают в своды крыши, которая тает в абсолютной тьме, ослепляя спущенными на много метров вниз лампами. По сваям сверху проложен второй этаж, где на подвесных железных мостах ходят они, граждане – хозяева мира, мы видим их крайне редко, но все же иногда видим. И каждая встреча с ними для меня целый клад новых знаний. Сверху расположены служебные помещения и гаражи для подвесных кранов, закрытые от нас тёмным холодным железом. Весь второй этаж, сложная паутина, разбросанная по всему периметру фабрики. Я думаю, граждане попадают туда через крышу, потому что они не спускаются вниз. Я лишь однажды видел их на одном уровне с нами.

Через всю фабрику раскинулся длинный коридор, в который и вливаются, подобно ручейкам, разделы жилых цехов. Всего в общий коридор выходит несколько сотен жилых цехов, таких же, как и мой. Вот и всё, ни входов, ни выходов для нас с этой фабрики нет, и все наши затеи о побеге, лишь наивные мечты. Даже если мы сможем выбраться из нашего цеха, что, в принципе, еще возможно вообразить, то что дальше? Я не знаю ни одного из здесь живущих, кто бы не мог навскидку назвать около десяти способов сбежать из фабрики. Некоторые вожди могут без запинки выдать больше двадцати вариантов побега. Но у всех вариантов, есть всего один недостаток: совершенно не ясно, что делать дальше.

Мы даже ни разу не были на улице мы не знаем, как устроен мир. Романтики говорят, что небо лилового цвета и с него вечно падает еда, а нам достается лишь малая часть этого божественного дара. С годами, я вообще перестал верить в существование открытого неба. Часть фабрики, что доступна мне, видится единственным реальным местом. Иногда мне даже кажется, что за рифлеными железными стенами абсолютная холодная пустота, и там ничего нет. И эта пустота смеётся, улыбается своим беззубым ртом, когда кто-то из нас пытается представить, что находится вне её стен. Мы даже не знаем, сколько всего зданий в нашей фабрике, сколько таких же цехов, и сколько сейчас идут так же как мы.

Я правлю в двадцать пятом цеху. Общий коридор нашего цеха суверенная территория, принадлежащая мне и моим людям. Наш цех кончается там, где начинается центральный коридор для прогулок, соединяющий все цеха в нашем здании. Длинная дорога сквозь фабрику вдоль всех цехов, которая разделена между собой двухметровым забором, с проходом в начале и конце. И каждый день мы делаем много кругов вдоль этого бетонного забора. В детстве я считал круги, а потом перестал.

Но есть и исключения в этой прямоугольной иерархии. Между 77-м и 79-м находится закрытый цех мудрецов без номера. Оттуда, к нам выходят два небольших окошка с решетками, за которым живёт вечный мрак. Иногда мы можем поговорить с безумными мудрецами оттуда, они знают ответы на многие вопросы. К ним мы обращаемся только в самых сложных ситуациях, по поверью, они сохранили истинные знания нашего рода и связь с Богами. С другой стороны, между 134-м и 137-м цехами находятся сразу два закрытых цеха размножения. Но мы никогда не видели их, потому что там идут две глухие стены, которые заканчиваются 137-м цехом. Никто и никогда не был там или же не возвращался оттуда, чтобы рассказать о нём. По характерным звукам самой жизни, которые сложно перепутать с чем-то иным, мы знаем, что там происходит. Там, не прекращаясь, куются новые и новые рабы фабрики. Я всегда гадаю, сколько еще таких помещений на нашей фабрике. Минимум еще одно, ведь с другой стороны цехов размножения есть вход, если его нет с нашей стороны.

Каждый жилой цех ничем не отличается от соседнего, кроме порядкового номера, грубо нарисованного краской на одной из рефранных стен-перегородок около входа в него. Или аналогичного номера напротив на бетонной стенке, который мы видим, когда выходим на ежедневную прогулку. Но эта однотипность каждого цеха, видна только с первого взгляда. Каж-

дый из нас безошибочно найдёт свой цех. Иногда темнота случается, и мир погружается во тьму, и лишь редкие красные лампочки аварийного освещения выхватывают свет из мрака. Да проезжающие подвесные краны двумя квадратными прожекторами создают на несколько мгновений мир из пустоты, и так же моментально его уничтожают, пролетая дальше по своим, понятным только им, делам. Когда проживешь тут всю жизнь, каждая мелочь записывается на подкорке памяти, каждая царапинка, каждый дефект на стене. Все это и ещё миллион других деталей отличает одно идентичное место от другого.

Подвесные краны, которые часто двигаются под потолком, имеют разные характерные особенности и черты. Иногда можно заметить порядковый номер одного крана, он набит сбоку на выступающей вперед кабине. А иногда по немного подрагивающему фонарю можно узнать другой кран. Есть один подвесной кран, у которого габариты отмечены не четырьмя красными маленькими фонариками, а оранжевыми. Один кран проезжает с характерным лязгом, медленно и важно, а другой летит быстро и почти бесшумно. Есть более злые и более добрые краны, одни обходятся с нами лучше, чем другие. Одни краны встречают с радостью на лице, а некоторые провожают со страхом в глазах.

Внутри нашего дома/цеха, несколько сотен маленьких коридоров, расходящихся в обе стороны. В каждом проходе вдаль уходят черные многоуровневые стеллажи с прорезиненными койками, которые тонут в глубине. Кровати высотой в девять ярусов. Они не достигают второго уровня фабрики, где находятся мосты граждан. Возвышаясь на несколько метров над самым верхним ярусом с кроватями, защитный навес, загнутый вверх и выступающий над пропастью, надежно защищает второй ярус. Любой, кто пытался, в лучшем случае что-то ломал себе, падая между двух пролётов прорезиненных коек, а чаще всего погибал при падении с такой высоты. Получается очень правильная геометрическая паутина из проходов под прямыми углами, которые вливаются в общий коридор для прогулок.

По праву вождя, которое я добыл кровью, я живу на самом верхнем ярусе, прямо у самого входа в цех, рядом с одной из бетонных свай. Из-за навеса сверху, мне не видно, что происходит надо мною, но я могу многое слышать. Иногда где-то рядом ходят граждане, а я слышу стук ботинок о железные подмости верхнего этажа.

Лет десять назад внедрили программу гуманного обращения со слейвами. В начале каждого цеха повесили большой экран, с которого иногда показывают очень интересные вещи. К экранам все давно привыкли, и почти никто, кроме вождей, не обращал на них внимания. Часто они работали без звука или были выключены. Своему знанию языка граждан я обязан именно экрану у моей койки. Когда на экране изредка что-то рассказывают, или показывают нашу благотельницу из «партии кожаных», снизу идут совсем мелкие буквы, дублирующие слова. С нижних ярусов этого, конечно, не видно, но хорошо видно с моей койки, и с койки напротив. Но тот, напротив, не особенно интересуется, его больше беспокоит, что он сверху и ему долго спускаться за едой. Последние несколько месяцев он воюет с соседом с 8-го яруса, чтобы спуститься на один этаж ниже. Я вполне понимаю смысл редких надписей, разбросанных по всей фабрике цифр и знаков. К своей печали я понял, что от простых вариантов побега фабрика защищена лучше всего. Здесь нельзя сделать подкоп, или залезть вверх, они все предусмотрели. Полностью разбитая среда, где мы никогда не пересекаемся с ними и ограничены лишь нашим геометрическим миром.

Наш жизненный цикл прям и прост: кормление и прогулка, вот и всё, что довелось видеть каждому в этой вечной тюрьме. Коридор нашего цеха, и любого другого, посередине разделен длинным столом с двумя рядами сплошных скамеек. Все поверхности стола и скамеек сделаны из чёрного прорезиненного материала, который не разодрать.

Прожив тут долгую жизнь, я хорошо уяснил, что на самом деле нужно для счастья. Нам нужна только еда, и это единственная незыблемая потребность. Утро начинается с того, что все бегут к столу, и ждут единственного, что им причитается в этой жизни. Если кто-то прибегает

последним, далеко не факт, что он успеет втиснуться сквозь ряды других. Медлительный слейв вполне может остаться без еды. Следующий раз, в таком случае, он поест только завтра. И только мне не стоит никуда спешить, я медленно спускаюсь со своего яруса, и когда дохожу до стола, приближенные оставляют мне почетное место. Несколько лет назад, я пробовал обуздать звериную жажду еды, попытался сделать систему из хаоса. Но системы не получилось. Моя власть кончалась ровно там, где начинается наш базовый инстинкт жажды жить. Построить очереди, по примеру граждан с экрана, у меня не вышло. Голодные руки, с отчаянием натываясь на впереди стоящих, пролезают вперед, чтобы урвать свой кусок. Через каждую щель, через каждую маленькую дырку, к столу лезут руки и хватают-хватают. Больные или слабые, все те, кто задержался чуть дольше, чем нужно, уже не смогут просунуть свои руки сквозь ряды тел и взять себе немного еды. И чем дальше, тем тяжелее, каждый последующий день, либо делает слейва более злым, и он с удвоенной силой пробирается к столу или наоборот слабее. И «слабее» в этом случае означает ближайшую смерть.

Еда опускается нарочито медленно, она, как бы нехотя, заходит в нашу жизнь из мрака. Круглые колбаски золотистого цвета спускаются по всей длине стола. Они играют в электрических лучах, немного прозрачные, но мутноватые, через них всё кажется золотым. В какой-то момент сверху что-то обрывается, и колбаски резко падают вниз ровные обрубленными концами. В этот миг видимо кто-то сверху решает, что нам хватит этого золота жизни. Однажды ночью я не спал, и видел по экрану длинных существ, змей, которых давно не осталось на планете. С тех пор, эти колбаски, напоминают их. Еда не всегда золотистого цвета. Иногда цвет может отличаться: от пепельно-белого проходит через золотой и кончается огненно красным. Но по вкусовым ощущениям, в независимости от цвета, у этой сладкой и одновременно соленой колбаски нет никакой разницы. В брикете, большое спасибо экрану за эти знания, находится полный запас веществ и влаги, который надо потреблять всего раз день. Это условие крайне необходимо для жизни и правильного роста мышечной массы. Название еды разнится от цеха к цеху, и у нас ее почему-то называют колбасой. Однажды я слышал обрывок разговора двух фермеров. Они шли рядом с моей кроватью, отстукивая такт по железному полу. Один из них, говоря что-то о нашей еде, назвал ее «комбикорм», но ни в одном из цехов еду так не называют.

После звучит главный сигнал в жизни каждого слейва – звук вечной мерзлоты и бесконечного повиновения. Тут нужно немедленно выйти в общий коридор фабрики и ходить вдоль стены по кругу весь день. После трёх часов следует перерыв на час, когда можно остановиться и заняться своими немудрёными делами. Один звонок – все идут, два звонка – не идут, раздаётся звонок – всё повторяется по кругу. Цикл жизни. Страшно послушаться главного сигнала, никто не посмеет пойти на такое святотатство. Единственная нерушимая заповедь – идти, она сложилась за долгие века. Но одна мысль не даёт мне покоя. Почему мы ходим каждый день? Что заставляет нас ходить кругами, слушаться этих сигналов? Я не знаю, так было всегда, с самых первых дней, что я помню себя. Так принято. А почему так принято, я не знаю. Вечером звучит особый протяжный звонок, режущий душу, все идут дальше по кругу, пока не оказываются в своём цеху, где расходятся ручейками. Каждый из нас с детства знает эти звонки, каждый звук – приказ, который надо исполнять немедленно, незамедлительно.

Когда на фабрике «день», лампы освещают только нижнюю часть, верх для нас всегда во тьме, с редкими исключениями «засвеченных» мест. С последней командой отбой – тухнет почти весь свет, кроме некоторых ламп. Спустя какое-то время звучит протяжный железный лязг, который разносится по всей фабрике – пожелание доброй ночи.

Каждый ждёт, что его жизнь пролетит очень быстро и его радушно встретят Боги. Каждый верит, что, не изведавшего страха и не опозорившегося, его ждет лучший из миров в следующей жизни. Каждый будет вечно пировать в высоких залах, охотиться в лесах богатых дичью. Я не каждый и сейчас моя вера начала таять, я начал сомневаться. Хорохориться и

искать лёгкие ответы на сложные вопросы, удел тех счастливых, у которых ещё полно времени. У меня его почти не осталось, смерть уже смотрит на меня через ночной мрак и манит к себе.

День пролетел и ноги гудели. Я лежал на койке и смотрел на выключенный экран. Только лёгкие блики гуляли по глянцевой поверхности, лениво стреляя мне в глаза. Свет резко потух, лишь из общего коридора нашего цеха, долетали остатки освещения. В полной тишине раздавались тихие обрывки фраз «давай сбежим» и вторящие им голоса «давай». В последнее время это особенно сильно нервировало меня. Голоса говорили мне, они просили меня, и требовали с меня. Бесконечный тихий рокот голосов смешивался в кашу, которую невозможно было разобрать. Но когда на миг я закрывал глаза, голоса опять разлетались и я слышал вокруг «давай, давай сбежим». Голоса менялись, лезли в душу, и я уже слышал где-то внутри себя «ты стар, ты слишком стар» и потом «ты не сбежишь».

Под потолком промчался подвесной кран, не задержавшись в нашем цеху, на ходу быстро шаря по койкам зелёный сканером. Маленький полосатый луч-сетка скользнул по левой руке, задев её совсем слегка по касательной, и сразу пропал. Мы так и не знаем, есть ли там кто-то в кабине, или они полностью автоматизированы. Иногда я думаю, что граждане не живые существа, а что-то иное, что мы не можем постичь.

Каждый день одно и то же, каждый год одно и то же, всю жизнь одно и то же. Я бесконечно рождаюсь и бреду, бреду, бреду в этом бреду и бесконечно умираю.

Уже много ночей я видел один и тот же странный сон, который почти не отличался деталями, и это пугало меня. Я не видел этого по экранам, и никто ничего подобного мне никогда не рассказывал. Сон идёт разными кусками и обрывками, из которых ничего нельзя понять. Медленно проваливаясь в сон, я видел стальную стену во мраке, она сверкает красными отблесками и медленно поднимается, снизу просачивается бледный свет. Блеклые зелёные луга просвечиваются в белесом тумане. Странные еле различимые деревья качаются на ветру, прорисовываясь черными прожилками на белых тонких стволах и шелестя мелкими листьями.

Глава 5. Судьба и упрямство

Настоящее время

Тяжёлый разговор неожиданно быстро забылся для Стейси и родителей. Прошло всего несколько дней, которые слились в череду серых будней. Стейси полностью затынула учёба. В её кампусе между студентами и соседями проходило очередное и не совсем спортивное соревнование, вылечившее Стейси от бредовых космических идей. Мама Стейси тоже отвлекала её, как могла. Ежедневно моя посуда на кухне, тщательно вытирая каждую тарелку с маленькой синей каёмкой о махровое полотенце, Маргарет (а именно так звали маму капризной девушки) с большим рвением принимала участие в жизни дочки. Что-то советовала, что-то критиковала, стараясь всеми силами отвлечь и переключить и без того быстро переключающуюся дочку с глупой блажи о космосе на что-то более серьёзное и полезное для её жизни.

Но гены, их не спрятать, не вытащить из человека, гены навсегда в нём, ведь сам человек их следствие а не причина. Для Стейси что-то было не так, её держало странное пробудившееся чувство, название которому она не могла дать. Чаще обычного она стала думать о дедушке, и поняла, что, по сути, ничего о нём не знает. Ну, летал в космос, ну герой, но в нашу эпоху это уже не достижение. Жаль, что она совсем не застала его, и совсем не помнит, каким он был. Мама говорила, что дедушка нянчил её маленькую, а Стейси всегда было стыдно, что она этого совсем не помнит.

Каждому, особенно если этот каждый – молодая девушка, которая хочет взять от жизни всё, при этом ничего не давая взамен, кажется, что путь долг и сложен, что на пути стоит тысяча стен, которые непременно надо разбить своим лбом. Но это не так, совсем не так, у жизни тоже есть предел терпения. Когда человек очень сильно чего-то хочет, сама жизнь психует и дает «это» человеку, лишь бы он оставил её в покое. И часто начало большого дела лишь такая мелочь, о которой и говорить-то смешно. Но именно такие мелочи потом вспоминают и описывают в своих биографиях известные люди. Как тот самый поворотный момент, с которого и начался неожиданный путь к успеху. Бесполезные маленькие люди мира сего называют их «знаками» или «проведением», самой «судьбой» или «удачей», «фатализмом» или ещё черт знает как, слабые находят этому явлению тысячу названий. Сильные же люди никак этот момент не называют, они знают: успех положен им по праву рождения. И сейчас Стейси стояла как раз напротив своей судьбы, которая поглядывала на неё через туман серой жизни.

На неё смотрел уже подзабытый актёр прошлых лет, но все ещё находящийся в обойме фильмов третьего «эшелона». Уже лет пять, как любимец давно подросших девушек, занимался больше коммерцией, чем кинематографом. Рекламиривал чипсы, одежду для подростков и другие второразрядные бренды. Его ещё приглашали в различные передачи средней паршивости, в ток-шоу на роль спикера или судьи. Но все его лучшие роли уже утонули в прошлом и стали забываться. У нового поколения юных дев были уже свои, свежие герои, а ему с его старомодной улыбкой уже не было места в их сердцах. На неё смотрели весёлые и задиристые глаза со следами плохо спрятанных морщин. Глаза любимчика её детства – Тита Джонсона. Он улыбался ей всего одной стороной губ, той самой непревзойденной фирменной улыбкой, некогда великого актера. Однажды она даже подралась в начальной школе с одной девочкой, которая тоже фанатела по Джонсону. Он стоял на фоне космоса в красивой форме престижных космических войск, в белой фуражке и с отеческой любовью смотрел на Стейси. Спустя несколько секунд он плавно менял позу, но не сводил своего фирменного взгляда. Только когда Тит несколько раз сменил свои незамысловатые движения, только тогда Стейси смогла оторвать от него взгляд.

Она заметила бегущую строку: «Вперёд к звёздам. Мы нуждаемся в тебе».

Дальше бежал неинтересный текст про государственную космическую программу объединенных штатов планеты, ссылки на экрайт и другая контактная информация для добровольцев, которую Стейси уже не читала. Её телефон определил, что информация с ближайшего рекламного носителя актуальна для владельца, и уже сохранил все необходимые данные. Стейси шла, не видя дороги перед собой, но видя глаза своего героя и космос за его спиной.

Вообще-то она много раз видела этот навязчивый рекламный экран. Это был один из многих, совмещенный агитационный предвыборный экран, он выполнял функцию вербовки добровольцев и подогревал интерес к предстоящим выборам гражданента. Если бы она задержалась ещё на несколько минут, то на уровне груди её героя детства пробежала бы надпись: «Я выбираю космическое будущее вместе с Антоном Нельсоном, голосуйте за свое будущее. Тит Джонсон». Целая серия подобных экранов мозолила глаза всему колледжу, и они уже становились объектами шуток и даже вандализма среди подвыпивших однокурсников Стейси. Как только началась агитационная предвыборная гонка на планете, и чем гонка разгоралась сильнее, тем больше становилось этих экранов вокруг. Рядом с ним на стене висели экраны от маргинальной «партии кожаных», экраны «олддемократов» и других менее популярных представителей политической жизни. Они занимали довольно много места, особенно тут на территории колледжа, получилась своеобразная политическая стена. Стейси с неудовольствием подумала, что электронный консърж мог сохранить информацию о всех кандидатах, а так же передать её личные данные этим партиям. И ей начнут назойливо названивать и заваливать электронную почту спамом, что-то предлагать и куда-то приглашать.

Половинчатая улыбка любви её детства внушала успокаивающую надежду, в ней была какая-то спрятанная подсказка. Тит через свою улыбку как бы говорил ей: «Стейси, милая моя крошка, у тебя все получится». Ведь не бывает таких совпадений, её космос и её Тит на одном экране, и именно сейчас, всё это далеко не случайно.

Упрямый пожар, который тлел внутри Стейси, не разгорался до этого. Он клокотал где-то внутри, его что-то держало, как защитная противопожарная линия в лесополосе, заботливо выкорчеванная её матерью. Но, довольно брызнув на соседний лесок, огонь озарил весь горизонт огромным пожаром. Обычный экран навсегда изменил ее жизнь.

Глава 6. Неистины от истинных

Настоящее время

Мне захотелось припасть к мудрости. Всё меньше времени оставалось, а вопросов становилось всё больше. И только истинные мудрецы, хранители древнего знания рода, могли дать мне ответы. Меня тревожил мой сон, он казался мне предвестником скорой гибели. Последняя битва за власть далась мне слишком тяжело, ещё может, сказала усталость от прожитых дней или томительное ожидание неминуемого конца. У него дрогнул лишь взгляд, когда он летел в пропасть, у меня же дрогнуло сердце. Если он проиграл битву, то, мне кажется, я проиграл войну.

Утром, после приема пищи, мы вышли в общий коридор и влились в блуждающую цепь. Мои победы прошлых дней уже давно забылись и протянутых ко мне рук поубавилось. Велико ли поражение, велика ли победа, слава или позор от них проходят одинаково быстро.

Обиталище древних мудрецов медленно приближалось на горизонте. Я уже видел зарешетчатые квадратные окошки, за которым царил вечный мрак. Иногда они скрывались за спинами впереди идущих, но через миг выныривал то один темный глаз квадратного отверстия, то другой. Я, не торопясь, приближался к ним, оценивая сам себя, готов ли я к этому диалогу или лучше избежать его. Слова, которые шепчут боги, могут выдержать только безумные мудрецы. Иногда за спрос приходится очень дорого платить, и без крайней нужды я бы не стал взывать к нашим древним богам через мудрецов. Но мне уже нечего терять, все осталось где-то там, в его полете в пропасть. Цена за всё это показалась мне не существенной, ведь впереди вечность, о которой я ещё ничего не знаю.

По зданию прокатился громкий звук передышки, эхом ударяя о бетон и толстое железо. Плотный поток слейвов распался, многие решили сесть там же где и стояли, или разошлись по кучкам. Два мрачных прореза в бетонной стене уставились на меня немигающими черными провалами. Я подошёл к одному из них, не сводя глаз с темноты внутри.

Раздался хриплый надорванный голос из окна размером двадцать на двадцать сантиметров:

– Мы ждем Вождей.

Чёрный мрак за решётками был абсолютно непроницаем. Старый голос, тяжело вырываясь из темноты, огибал толстые прутья и от этого казался мне ржавым, разъедающим саму суть вещей. Жестокая ирония сквозила в нём, насмешка Богов над всем нашим родом. Что же такого ужасного сделал мой народ, что, в конечном счете, я стою тут? Рядом с окном, на бетонной стене, отчетливо сверкали бороздки ногтей, кого-то кому не повезло искать мудрости. Внутри меня всё похолодело, тревога разлилась по всей душе, закрыв собой всю собранную храбрость для этого безумного решения. Сомнения стали крошить меня изнутри. С каждой секундой решимость таяла. Поэтому я резко просунул левую руку между решёток во мрак мудрости, чтобы успеть до тех пор, пока остатки храбрости не оставили меня.

С секунду ничего не происходило, но потом кто-то резко схватил мою ладонь холодными влажными руками и с силой потянул вглубь. Я успел закрыть рукой свое ухо и сильный удар об стену пришелся на нее. Меня держали крепко прижатым к стене, я старался сильнее вглядываться в темноту, чтобы рассмотреть там хоть что-то. Почти сразу я увидел глаз, бледный и мертвый, вокруг него кожа серого цвета, как шершавый бетон в глубоких бороздках. Безумный глаз быстро вращался и смотрел на меня, при этом меня совсем не видя. От этого мне становилось все страшнее и страшнее. Руку потянули ещё сильнее, и меня ещё больше вдавило в стену. Глаз на миг скрылся, за ним вылез уже другой, не такой безумный, «бетонная кожа» была более грубой с большими рытвинами.

Я почувствовал плечом смрадное дыхание, от которого становилось холодно, это было дыхание смерти. Он начал с укора:

- Вожди не часто хотят говорить с Богами.
- Не часто.
- Время Вождей на исходе.
- Знаю.
- А чего же Вожди не знают?

Голос особенно иронично произносил «Вожди», в этом сквозило какое-то пренебрежение к власти, с которой мудрецы не хотели считаться.

Я спросил:

- Правда ли есть жизнь после смерти?

Глаз несколько раз моргнул, и кусок лица скрылся куда-то вглубь со слабым смехом, вместо него вылез ещё один, новый глаз другого мудреца. Он продолжил:

- Почему Вожди спрашивают?
- Я хочу знать.
- Боги не всегда говорят то, что хотят знать Вожди.

Кто-то неприятно водил зубами по моим пальцам. Сразу несколько рук держали мою руку, всунутую в темноту. Я ещё раз покосился на следы от ногтей на стене. По руке прошлись чем-то склизким и шершавым одновременно, это чей-то язык, догадался я. Глаз скрылся, из тени вылез ещё один, обдав меня мерзким дыханием.

Новый глаз по-отечески спросил:

- Вожди боятся смерти?

Я проигнорировал его слова, и повторил свой вопрос:

- Есть ли жизнь после смерти?
- Знание стоит два, незнание же не стоит ничего. Вожди готовы платить?

Глаз с надорванным смехом пропал, на его месте появился очередной глаз, уставший и совсем серый. Кто-то провёл влажной рукой по моему лицу, в нос резко ударил запас экскрементов с чем-то химическим, дурманящим разум.

Я по возможности сухо ответил ему:

- Нет.

Я попытался потянуть руку назад, но её держали намертво. А чьи-то зубы ещё сильнее вцепились в руку. По указательному и большому пальцу прошлась неприятная дрожь от довольно болезненного укуса.

Во мраке произошло какое-то еле уловимое движение, влажный смрад одного мудреца сменился другим, ветхим и сухим запахом вечности. Хватка влажных холодных рук на миг ослабла. Я решил воспользоваться возможностью и быстро потянул свою руку назад, но её опять сжали и с сильным рывком потянули обратно. При этом очень сильно приложив меня об стену. Холод железных прутьев обжигал меня.

Голос другого мудреца протяжно заорал мне в самое ухо:

- Вожди хотят жить вечно?! ВСЕГО ПЯТЬ! ПЯТЬ!!!

Хватка рук на миг ослабла, я, ни секунды больше не думая, выдернул руку. Тут же резко прозвенел сигнал, мне казалось, что я стою тут всего несколько минут, но прошёл целый час. За решеткой раздался протяжный смех тысяч надорванных голосов. Следы от ногтей на стене не хотели растворяться в моей памяти. Я хотел получить истинное знание, но почему-то общения не вышло, диалог получился странным.

Последующие часы я встречал слейвов, у кого не было одного, два, или более пальцев на одной из рук. Совсем скоро забой и мудрецы забирали причитающуюся им долю. Но по разочарованным и измученным лицам я догадался, что никто так и не узнал самого сокровенного. Лишь несколько слейвов блаженно улыбались, видимо, больше от болевого шока, чем от искры истинного знания. Кто-то тихо скулил и держал свою руку повыше, чтобы кровь не вытекала. Кто-то очень громко дышал или плакал, размазывая кровь по лицу и телу. Через один пройденный круг коричневое месиво из песка и выделений жизнедеятельности было все сплошь в свежих кровавых следах. А через несколько кругов темно коричневый песок превратился в грязно-бурый. К привычному резкому запаху мочи и выделений под ногами добавился неуловимый стальной оттенок крови.

Я не подошёл ни к одному из них, скорее от смущения, ведь и я мог сейчас быть с таким же потерянными или с блаженным выражением лица. Я не хочу знать, есть ли жизнь после смерти, ведь я её боюсь. Чего боится человек, того он знать не хочет. Возможно, я боялся разочароваться в ответе, услышать не то, что я ожидал, поэтому и пожалел два пальца.

Я засмотрелся на экран на одной из бетонных свай. На ней была изображена женщина, стоящая в небе. Она тонула в белом цвете, и под ней бежала большая белая надпись:

«Кожаные – за гуманное обращение с животными». Леда Смит – будущее демократии ОШП.

Древняя высушенная женщина несколько улыбалась, потом её лицо становилось серьёзным, и после знакомая улыбка опять повторялась. Леду любили, относились к ней с симпатией, ведь это была практически единственная женщина, которую мы видели за жизнь. Благодаря Леде, мы могли иногда видеть и других женщин по экранам. Иногда по утрам показывали новости, но чаще всего включали музыку, с изображением непонятого места, где множество людей сидело в большом коричневом зале за странными инструментами. А ещё Леда выдавала основные элементы своей предвыборной кампании, с которой вполне увязывалась и музыка. Объяснялось это тем, что еда будет более вкусной, если выращивать её на классической музыке. Проверить это нам по понятным причинам не выйдет, но хороший вкус к музыке точно прививает, если верить Леде. Многие вожди стали использовать в своих речах её фразы и наша скудная жизнь несколько разнообразилась.

Глава 7. Истины от неистинных

Настоящее время

Меня слегка подтолкнули в спину. Такое можно только вождям или мне придется сейчас же кого-то убить.

Со мной заговорил вождь из 34-го цеха:

– Страшно не потому, что тебя съедят. Это не пугает, по крайней мере, с этим фактом я научился жить. Меня пугает осознание, что всё конечно и бессмысленно. Зачем-то ты рождаешься, в один момент в тебя заходит сознание и живёшь с ним дальше, иногда забывая о нём, и в какой-то момент ты вместе с ним же умираешь. Зачем? Меня беспокоит не лёт долгих дней а их конечность. Я даже не знаю, что страшнее, самое понимание того, что дни пролетят и ты

умрешь, или вечная мысль о конце, которая роется в мозгу и не хочет уходить. Получается, что весь свой путь, ты только и думаешь, что о конце пути.

Я бросил беглый взгляд на его руки, пальцы были на месте. Я продолжил с интересом слушать, но пряча заинтересованность глубоко в себе. Видимо он увидел меня прикованного к окошку и легко догадался о моих вопросах к мудрецам.

Он мог ещё долго рассуждать на тему конца дней, он совсем не зря считался одним из главных философов нашей фабрики и очень любил поговорить. В этом он видел большую улыбку судьбы, раз Боги даровали ему такой склад ума, то это было сделано для чего-то особенного, а не просто так. Он искал своё предназначение в длинных и витиеватых мыслях, в бесконечных рассуждениях и поиске смысла жизни. Ближе к старости, поиск смысла жизни, конечно же, успехом не увенчался, и он стал передавать свои знания всем подряд, стараясь успеть оставить свое наследие до смерти. Но его мало кто понимал, а те, кто понимали, знали всё это и без него. Он свято верил, что пока не передаст свои познания другим, то не умрёт. Но, с другой стороны, время поджимало и его тоже, поэтому он торопился.

Я быстро посмотрел по сторонам, мне уже было нечего терять, и я не боялся показаться слабым:

– Что будет после смерти?

– Закрой глаза.

Я с недоверием посмотрел на него, а он лишь поднял руки вверх. Я закрыл глаза. Раздался его голос:

– Что ты видишь?

– Тьму.

Он молчал, а я с тревогой спросил:

– После смерти ничего нет?

Его голос звучал устало, обречённо:

– Всмотрись во тьму. Что ты видишь?

Каждую ночь я погружаюсь в неё, таю во сне, и образываюсь из тьмы с пробуждением. Тьма, только мрак и абсолютное ничего. Но неожиданно во тьме прорисовались еле заметные сероватые точки, всего лишь на тон светлее абсолютной черноты. Точки хаотично танцевали, они беззвучно шумели, непрерывно двигаясь в том месте, где только что было абсолютное ничего.

Я спросил его:

– Что это?

– Это вселенная.

– После смерти нас ждет вселенная?

– Мы и есть вселенная. То, что ты сейчас увидел, и есть та самая суть всего, именно это ждет каждого и всех после смерти. Вселенная ждет нас.

После мы еще долго брели вместе, иногда молчали, а иногда он продолжал говорить. К нам присоединялись другие вожди и потом отваливались, а он все брёл и брёл рядом со мною. Из проходящих вождей, ни у кого не было отгрызенных пальцев, по крайней мере, свежих точно не было. В основном кровавую жертву платили обычные слейвы, те, кто волей случая не был ни среди старших, ни вождей. И их можно было понять, я даже знаю, что спрашивал тот или другой, я читал это по их измученным взглядам. Они хотели знать, будут ли они вождями, или старшими в своих цехах, будут ли они есть вдоволь и смогут ли сбежать отсюда когда-нибудь. Несколько раз мне попадались те, кто согласился и на пять пальцев, чтобы жить вечно. Они бледными теньями сидели, прислонившись к стенам, и с их изуродованных рук прямо на песок обильно стекала кровь. У них уже не было сил держать руку вверх, чтобы как-то остановить кровь из отгрызенных обрубок пальцев. Попавший на куски плоти и костей грязный песок ничуть не смущал умирающих. Другие, не в силах им помочь, оставляли их прямо на

полу у стен, где они медленно угасали, бледнея с каждой секундой. На лицах некоторых блуждала полуидиотская улыбка умирающего человека, который всё понял и теперь счастлив. Мудрецы наобещали им вечную жизнь, и теперь они сидели и ждали этой вечной жизни – при этом умирая от потери крови.

Позже появились подвесные краны, сканируя все поверхности. С той стороны, где теперь был я, в обозримом мне пространстве не попадалось умирающих сторонников бессмертия. Все они остались с той стороны стены, совсем не далеко уйдя от закрытого цеха мудрецов. Подвесной кран с жёлтыми лампами завис над нами, и за стену опустились гибкие щупальца манипуляторов, которые рывком подняли нескольких слейвов и быстро вознесли верх. Все глазами провожали их в последний путь. Краны собирали урожай из умирающих.

Над нами быстро пронесся кран с тремя лампочками, и с неба пролилось несколько капель крови. Пять или шесть слейвов унесли к тёмным сводам, они навсегда растаяли во тьме.

34-й вождь буркнул мне:

– Смерть всегда там, где ищут бессмертия.

Я спросил у него:

– Чем пахнет свобода?

34-й вождь нагнулся и поднял с земли тёмно-грязный песок. Он на миг закрыл глаза и провёл песком по всему своему лицу, медленно размазывая грязь. Он тяжело выдохнул и сказал:

– Свобода пахнет дерьмом.

Мой вопрос он расценил, как желание продолжать разговор:

– Уже сейчас, на исходе моей долгой жизни, я все переосмыслил и вижу иначе. Сначала я ругал свою судьбу. Вождь всегда на виду, к нему всегда идут за советом или решать споры. Но не такой жизни я хотел, я хотел прожить тихо и незаметно, просто оставить свои знания другим. А теперь мои знания, воспринимают не потому, что они хороши, а потому что я Вождь. В моем цехе, широко разинув рты, слушают любую мою чушь. Они воспринимают абсолютно всё, как истину. А если не воспринимают, то кто-то из них не просыпается с утра.

Я бросил быстрый взгляд на него. Не угроза ли это?

Но он угадал мои мысли и примирительно поднял руки вверх.

Под тёмными сводами медленно проехал ещё один подвесной кран, видимо, граждане проверяли, нет ли еще умирающих от потери крови. Потом он резко рванул и скрылся где-то вдали.

Мы проводили его взглядом, а 34-й вождь сказал:

– Плохо, что он выжил. Теперь он неприкасаем, за него вступились Боги.

Я молчал, он продолжал:

– Чем старше, тем тяжелее держать удары времени.

Он устал говорить, а я устал слушать, дальше мы шли молча.

Мы медленно прошли оба цеха размножения, за которыми раздавались сочные звуки. В этот цех сверху въехал кран и стал разбрызгивать специальные возбуждающие ферменты. Но он начал это делать еще в нашем коридоре, и поэтому задел стенку, у которой мы шли. По ней медленно стекала свежая желтовато-розовая жидкость. Следы старых потеков, давно въелись в саму стену, спускаясь почти до самого пола. Из-за множества подростков, которые нарочито долго шли тут, вслушиваясь в происходящие за стенами, всегда набивался затор. Но никто на них не обижался и не гонял отсюда. Призрачный шанс попасть на развод, и тем самым выиграть несколько лет жизни на фабрике, был крайне мал. Мужских особей там было вдоволь, судя по звукам, которые не прекращались ни днем, ни ночью. И поэтому все, кто сейчас стоял тут, задерживаясь на несколько лишних минут, тешили себя ложными надеждами. И я был когда-то таким же, радовался до безумия, если раздавалась сирена, и можно было задержаться

тут на целый час. Правда, пробиться сквозь толпу таких же счастливиц было практически невозможно, они сбегались со всей фабрики.

Глава 8. Вождь вождей

Настоящее время

До забоя оставалось немного времени, это чувствовалось. В воздухе летал неуловимый аромат кровавой жатвы и плохо спрятанного под маской храбрости – страха. Старики были чуть более задумчивы, чем обычно, а молодые чуть более наглые, чем всегда. Мельком я даже увидел, как кто-то пренебрежительно задел плечом одного из вождей, а тот сделал вид, что этого не заметил. Чуть раньше за такое неминуемо бы пролилась кровь, но не теперь, когда нерушимый авторитет старых вождей доживал последние деньки, правила давали сбои. Старые правила должны умереть, чтобы родились новые, даже если они не будут отличаться между собой.

С другими вождями мы медленно брели вперёд среди потока, сливающегося в общую кашу, и слушали Святого. Я пытался припомнить всё, что я знаю о нём. Свою кличку он получил случайно, но, как и все вожди, видел в этом особый знак свыше. Боги выделили его судьбу среди многих, чем он очень гордился. В его цеху несколько лет назад был другой вождь, а Святой захватил власть, практически без жертв, чем только подтверждал свою особенность.

Однажды, слово за слово, он подрался со слепцом. Битва слепца с будущим святым, была смешной, глупой. Слепец терял зрение день ото дня и винил в этом Богов, которых поносил ежечасно. Будущий Святой не сдержался, и заступился за Богов как умел. Как водиться, последовала драка. Святой несколько раз ударил слепца по лицу и тот прозрел. Не знаю уж, насколько тот был слеп и насколько прозрел, но драка тут же остановилась. Слепец кричал, что он прозрел, а Святой смотрел на свои руки в крови, думал о мудрости Богов и молчал. Молва разнесла славу о Святом между нар так же быстро, как злость разливается от сердца к сердцу. Через несколько дней, бывшего слепца нашли мертвым, он упал ночью на острый пол. Тогдашний вождь заподозрил в этом Святого. И тот держал ответ перед всем цехом. Но, надо отдать должное Святому, он разложил всё мудро. Он говорил долго, а его слушали и смотрели на него, уже как на Святого. Он с полным знанием дела рассказывал, что слепец оскорбил Богов своими хулами. И что Боги наказали слепца, сначала вернув ему зрение, а потом отправив в пропасть на острый пол. То было одновременно и подарком и неминуемым наказанием мудрых Богов. Он говорил долго, страстно и, в конечном счете, ему поверили. Потом интрига за интригой, верное слово за правильным поступком, теперь он вождь своего цеха. Я всегда с настороженностью относился к Святому, стараясь не говорить с ним. Каждое слово, сказанное ему сегодня, он мог бы с лёгкостью обернуть против меня завтра. Недавно я слышал историю, как он довел до самоубийства одного из вождей. Но здесь было что-то ещё, я кожей чувствовал, что Святой как-то причастен к попытке моего свержения.

Я шёл среди нескольких вождей, искоса поглядывая на Святого, пытаюсь его прощупать, прочитать. В Святом чувствовалась странная перемена, сегодня он был «слишком» всё – всем. Как будто Святой очень долго ждал этого дня, и поэтому был в ударе и в голосе. Ему было, что сказать и чем отвечать на любые выпады.

Он с горячим жаром в голосе рассказывал поучительную историю.

Несколько забоев назад, когда ещё не родился ни один из здесь присутствующих, случилась история, которую должен знать каждый. В одном из цехов жили два друга, спали они на соседних нарах, во всех драках стояли друг за друга горой. Если один не мог пробиться к еде, то второй делился с ним своей. Высшим примером дружбы служили они для других. Но

Боги по-разному наградили их, один был только силён, а второй только умен. И вот пришло их время. В чистилище перед Богами состоялось судилище, на котором решалось, достойны ли братья высоких залов и вечных лугов. Как известно, перед лицами Богов нельзя врать, ибо загорятся глаза лжецов. Поскольку друзья отказались разлучаться даже перед лицами Богов, то и говорили они вместе. Сильный говорил, что помогал умному из-за доброты, потому что друг его был слаб, но всегда был верным другом. Сильный был спокоен за свой гост, и Боги не обманули его ожиданий, даровав ему вечность в высоких залах. Умный же боялся, что без сильного не протянет и дня, поэтому дорожил его дружбой, хоть всегда и ненавидел его в душе. Поэтому умный знал, что Боги поставят ему плохой гост. И за своё вероломство он был проклят на вечный мрак в пекле. И вот шли друзья вместе по последнему коридору, где их дружбе суждено было навсегда распасться. Тот, что был умнее, шёл несколько позади. Сильный уже был очарован видами других миров, которые открывались в конце прохода. Умный воспользовался моментом, налетел сзади на друга и отгрыз его бирку. На прощание, умный сорвал свою бирку с куском собственного уха и бросил его на тело друга.

Раздался обеспокоенный голос:

– И что, Боги не вмешались?

Глаза Святого заблестели еще больше, он явно был готов к этому вопросу. Он объяснил, что поскольку Боги уже решили их судьбы, то не смотрели на них.

На одно мгновение моё внимание привлекла левая рука Святого, он почему-то зажимал пальцы в кулак, это показалось мне подозрительным, ведь сами фаланги были на месте.

Со Святым спорил один из вождей:

– Постой, получается, что Богам все равно, как мы прожили жизнь и какие поступки совершали. Стоит только поменяться бирками и от твоих мрачных дел не останется и тени следа.

– Нет, Богам не всё равно. Они смотрят на нас и наши поступки.

Они ещё долго спорили. К спору присоединялись другие вожди, а Святой обрушивал их доводы о свой подвешенный язык. На каждые десять неудобных вопросов он находил всего один, зато логичный и понятный всем ответ. Несколько раз Святой косился на меня, не хочу ли и я поспорить с ним. Тут явно сквозило провокацией, поэтому я молчал и в разговор не вмешивался. История была рассказана Святым не просто так, а к пустяковой проблеме, недавней драке между двумя слейвами из разных цехов. Дело обычное, но драка усложнялась несколькими взаимоисключающими параграфами и диалектическими ошибками на грани логики и остатков здравого смысла. Всем уже было всё равно на этих слейвов, ведь впереди была вечность, но традиции требовали незамедлительного решения проблемы.

Я хорошо понял мысль Святого, он имел в виду совсем другое. Он хотел сказать своей историей, что Боги верно распределили судьбу двоих друзей, специально поменяли им госты, дабы дать смертным все расставить по своим местам самостоятельно. Итог был предreshён с самого начала, просто вёл он не прямым путем, а через закоулки коварства. Святой так же упомянул, что сваря из моего цеха, отличается особенно буйным нравом, но у меня не вполне выходит держать их под контролем. И это тоже было провокацией, раз взять меня на эмоции в неочевидном споре не получилось, он решил ударить по мне лестью.

Многие переваривали сказанное Святым, находя его мысли интересными. В контексте приближающегося забоя каждому было о чем подумать.

Неожиданно Святой нарочито громко заявил:

– Я объявляю себя Вождем вождей нашей фабрики!

Вожди на миг замерли и простые слейвы, идущие рядом, тоже, воцарилась мертвая тишина.

Кто-то из вождей зло сказал:

– Это не возможно! Уже много веков не было Вождя вождей! Нет достойных из ныне живущих, за кем бы пошли все!

Святой торжественно поднял вверх руку с оторванным ногтем на безымянном пальце и громко сказал:

– Мудрецы благословили меня!

Кто-то его прервал:

– Да ты сам мог оторвать свой ноготь.

Святой проигнорировал вполне разумный довод и сказал:

– Я готов пройти испытание.

34-й вождь с лёгким недоумением, но примирительно сказал:

– Ну, всё-всё, успокойся, пошутили и хватит...

Святой проигнорировал и это, горделиво заявив:

– ОЛИМП!

Я был удивлен, такие же эмоции читались по лицам многих вождей и просто проходящих рядом. Раскаты голосов, пересказов, улетели далеко вперёд и назад, уже через несколько секунд, несмотря на такие расстояния, об этом знала вся фабрика. Где-то передние сплетни встретились с последними, кольцо замкнулось. Скорость звука равна скорости разлёта сплетни.

Неожиданно меня как током ударило, и к моему удивлению прибавились горечь и досада. Часть вождей смотрели на Святого с практически нескрываемым обожанием. А я смотрел на них и не знал этих вождей, вернее я видел их, несколько раз сталкивался с ними, когда они все ещё были никем. Среди тех, кто был откровенно с ним заодно, не было ни одного из тех, кого я хорошо знал и с кем ходил рядом много круголет напролёт. Тут до меня, наконец, дошёл дьявольский замысел Святого. Он планомерно убирал старых вождей и ставил на их место других, только ему лояльных слейвов. Где интригами, где прямыми конфликтами, кого-то доведя до самоубийства, в общем, любыми возможными способами шёл к своей цели. Я-то думал, что причина смены многих вождей за последнее время, вполне естественна – страх перед скорой смертью. Многие не выдерживали такого напряжения, убивали себя сами или вступали в глупые драки и ненужные разборки. Но теперь понятно, кто их убирал разными руками – Святой.

О древнем ритуале восхождения на уровень олимпа знали все, но никто никогда не видел его своими глазами. Лояльные Святому вожди и слейвы из их цехов, прямо на ходу стали сгребать в одно место коричневый песок и шли дальше. А идущие за ними добавляли к горке немного новых песчинок ногами или руками. По древнему поверью, если за Вождем вождей пошло бы достаточное количество цехов, то гора должна была подняться до самых небес. Ритуальными небесами считаются отметки на боковых гранях второго яруса. По всей фабрике в темноте таяли надписи, нанесённые на боковые грани помостов: «Г.Р. Олимп» – название производителя каркасов и тяжёлых железных сооружений. После того как гора достигала нужной высоты, туда обязан взойти Вождь вождей и бросить вызов богам. Смелчак должен остаться на горе в течение целого круга и если его не заберут подвесные краны, то он объявлялся истинным Вождём вождей. Собрать гору из грязного песка, не имея достаточно большой поддержки – невозможно. Именно поэтому Вождь вождей появляется крайне редко, раз в несколько сотен лет. Мы шли дальше, а за спиной слышалось шарканье ногами, которые немного увеличивали гору. Я не верил в реальность происходящего, как и другие старые вожди, всё это казалось каким-то непонятным сном. Вместе с тем, каждому было очень интересно, получится ли восшествие на олимп у Святого. Но если бы у него вышло, вместе с абсолютной властью над всеми цехами он бы получил право назначать и казнить других вождей. Конечно же, меня сразу убьют, если у него получится. Кто-то из хорошо знакомых мне вождей, правда немного, двое или трое, смалодушничили из-за страха и отдали распоряжения, чтобы и их цеха стали вносить свой вклад в постройку олимпа. На миг мне показалось, что Святой бросил на меня острый взгляд, когда я не проявил никакой поддержки в его испытании.

Мы прошли круг, в том месте, где Святой бросил вызов богам, образовалась темная гора, но недостаточная по высоте. По тем же правилам, только бросивший вызов определял, на каком круге он заберётся верх. Я шёл с другими воздержавшимися вождями, последователи Святого несколько оттеснили нас в сторону, но мне все равно было его хорошо видно. Он шёл мимо своего олимпа и придирчиво осматривал его. Все, кто верили или боялись Святого, бросали пригоршню грунта на гору, делая её все больше. Когда вблизи от горы остались одинокие песчинки, забитые в прорези острого пола, проходящие начали издалека нести в руках зловонную массу. Только через три или четыре круга высота горы удовлетворила Святого. Он с ближайшими сподвижниками пошёл на последний круг, теперь не держась по сторонам. У начала подножья его единомышленники разделились на две струйки и пошли дальше, а он медленно, увязая в грязном песке, стал с большим трудом карабкаться вверх. На самом верху Святой поднял руку с откусанным ногтем вверх в знак того, что вызывает богов. Лояльные вожди, которые поравнявшись со Святым, тоже подняли руки, в знак того, что они индикаторы точки начала и конца. Цепочка из верных ему вождей горделиво шла вперёд, не опуская рук. Пройдя поворот, я увидел его через бетонное разделительное ограждение, он подобно гордому маяку возвышался над всеми.

Через какое-то время я оказался за его спиной, до него оставалось всего ничего. В этот момент мне хотелось, чтобы время навсегда застыло, а поднявшие руки так и не дошли до Святого. Всего в десяти метрах за нами шли вожди с поднятыми руками, настойчиво приближаясь к своему Вождю вождей. Я шёл и думал, что еще несколько метров и я обречен не дожить даже до забоя.

Я на миг отвлекся, а когда посмотрел на Святого, его уже не было видно. Я уже почти смирился с его победой и своей смертью. Раздались крики и ругань, море слейвов всполошилось. Поверженный богоборец был унесен подвесным краном. Олимп медленно рассыпался, каждый проходящий загрэбал руками кусок песка и бросал через несколько метров. Ещё один день, ещё поживем.

Глава 9. Право очень сильного

Далёкое прошлое

Нет сильнее обиды, чем детская. Она оставляет следы на свежей душе, не знающей настоящего горя. В юной глине навсегда застывает дефект или камушек, что-то такое, что потом будет «не так» с этим глиняным сосудом на протяжении всей его жизни. Два маленьких ребенка наматывали сопли на свои кулаки, размазывая их вместе с грязью по лицам. После первой детской ссоры в их жизни должно было наступить примирение. Чтобы скрепить вечную дружбу, нужно было пролить кровь и смешать ее. Один из друзей чем-то порезал себе ладонь и потянул острый предмет своему другу. Другой же друг, теряя храбрость, посмотрел на кровавую руку первого. В последний момент его позвала мама, и он, с большим облегчением на душе, убежал, не скрепив дружбу узами крови.

Жизнь всегда сражается сама с собой. В каждой самой малой частичке и до самой безразмерной вселенной есть две стороны, которые никогда не будут ладить. Возможно, и сама жизнь состоит из двух противоборствующих начал: добра и зла. И когда разумные существа думают, в чём же смысл жизни, они всегда упускают из вида, что их два. Они полностью противоположны друг другу. Эти два вечных спутника друг друга, два вечных брата, где один никогда не победит другого. Баланс, гармония, космическая справедливость – как не называй, середка будет держаться всегда, с определенными погрешностями или перегибами в обе стороны, в зависимости от ситуации. Имея сложную систему противовесов и балансов, существует

вселенная. Мы никогда не поймем её, не сможем оценить справедливость этого баланса. Как только одно начало убивает другое, начинается безумие и всё тонет в хаосе неопределенностей. Видимое нам равновесие рушится, и победившие «добро», не зная пощады, сверху придавливает умирающего «зло», перекрывая ему последний кислород.

Два огромных государства издревле не ладили. С тем или иным успехом, баланс сил всегда держался примерно поровну. Два доминирующих гегемона, само добро и зло, вечные заклятые братья, где тень от одного брата всегда бесила и выводила из себя другую тень. На заре веков, было такое время, когда каждое из двух государств жило своей жизнью, не трогая друг друга. Весь мир был цветущим раем на дородной планете, добрым к своим детям – людям. Но два лба рано или поздно должны были неминуемо столкнуться. Потому что двум мирам всегда тесно на одной планете.

Жители одной страны всегда считали злом именно других, а жители другой, считали то же самое, но наоборот. Воины чужой страны, кровавые захватчики, а воины своей – великие герои. Их вождь – правитель, царь, император, диктатор, председатель, гражданин, и еще тысячу «кто-то главный» – самый главный враг из ныне живущих. Именно он виноват во всём, и всё плохое от него, ибо от злобного и коварного врага, не может быть ничего хорошего по определению. А наш «кто-то главный» – великий и добрый мудрец, коих не видел ещё свет дня. От века в век и от года в год противостояние то усиливалось, то слабело. Как река пересыхает в жару, оставляя от себя лишь след в виде треснувших черепков земли. Или наоборот, наполняясь бурной жизнью летящего вперёд потока после первых паводков. С тем лишь различием, что черепками тут были черепа людей, которыми густо устилались все континенты планеты. Но, через какое-то время, вода опять наполняла русло, и нелицеприятные картины скрывались под толщей тёмных вод. Но дно всегда оставалось усеяно черепами. Года превращались в эпохи, а те в тысячелетия, долгие войны сменялись коротким миром, а худое перемирие всегда сменялось затяжным конфликтом.

Как бы ни мирились заклятые братья, пожимая руку после хорошей драки, один всегда старался сломать другому палец.

С развитием высоких технологий, войны становились только активнее и изощреннее. Казалось, что люди изобретают новые грани своей жизни, только затем, чтобы убивать друг друга. Каждая новая технология, каждый открытый научный закон мог спасти множество жизней, но неизменно всё это только отбирало их. Любые признаки гуманизма, высокого состояния духа, всё это означало на словах одно, а на деле совсем другое. Возможно, всему тому виной далёкий предок человека, весьма скверного характера зверёк, способный на самые страшные вещи, даже по отношению к самому себе. Людям явно не повезло с «прародителем», им по наследству достались его множественные недостатки. И если не получалось воевать напрямую, то это делали косвенно, например через спорт. Мало кто из людей подозревает, что спорт тоже грань войны, где один побеждает другого, только «стреляя» в него холостыми патронами. Каждая из стран считала себя сильнее, но не всегда силой выигрывают войны. Иногда все решает шальной случай или несправедливая удача.

Однажды один брат поскользнулся на свежем льду, который сам и создал, разлив ведро воды прямо перед собственным домом.

Одна страна слишком увлеклась предтечами гуманизма и рационализма, бессмысленной войне предпочтя логичный мир. Её правители тянули руку к бывшим врагам, пытаясь явить любовь и покончить с бесполезной враждой. Век гуманизма стоил очень дорого для нашего народа. Сначала они тоже явили нам мир и протянули руки дружбы и любви. Одновременно ударив в позвоночник ножом. И в одну темную ночь, вместе с линиями дня, не стало и нашей страны. Никто не успел понять, что произошло, сотни миллионов человек вскрикнули в один миг и замолчали навсегда. Они уничтожили почти все территории, пригодные для жизни, превратив их в выжженные пустыни песка или снега. Спаслись смогли лишь немногие, те, кто нахо-

дился на приграничных территориях, в относительной дали от основных ударов, или те, кто по каким-то причинам находился на других континентах. Войны такого уровня хорошей экологии не добавляют, природа стала активно умирать. Растительная пища практически полностью исчезла, и скоро на планете начался голод. Победившей демократии нужно было выжить, и победители приняли тяжелое, но единственное решение. Если вы думаете, что заставить человека есть другого человека – нереально, то вы жестоко ошибаетесь.

Теперь они граждане, принесшие на планету мир и демократию, а мы проигравшие – их еда.

Глава 10. Острый пол

Недавнее прошлое

Очень сложно отделить один день от другого, когда каждый день одинаковый. На фабрике один цикл, когда немного светло и когда почти темно. Это день и ночь. Всё давно смешивается в кашу, и сложно сказать, что было вчера, или десять, а может и сто дней назад. Но экраны давали какую-то информацию по этому поводу. И если достаточно этим интересоваться, то всегда можно сделать выводы. Сегодня третий день после дня прощения у планеты. Три дня назад граждане бурно праздновали свой праздник. На экране демонстрировали пышный салют на фоне огромного города, мельком показывали, как граждане ходили в этот день друг к другу в гости. Солидные люди в чёрных костюмах, взявшись за руки, водили хоровод вокруг праздничного шарика, под яркие вспышки фотоаппаратов. Раньше, когда не было экранов, этот день угадывался иначе. В этот день граждане сверху веселились, поздравляли друг друга и говорили громче обычного.

Мы ели, вокруг меня сидело несколько старших и о чем-то вяло спорили. Я был мыслями в себе, думал о своем календаре который вёл зарубками на железной стене. Мне казалось, что подсчёт времени, единственная точка опоры в жизни и условие к разуму. Но, с другой стороны, в этом не было никакого смысла: считай, не считай, всё равно тебя съедят. Я заметил какое-то движение боковым зрением и сразу приготовился к худшему, ведь это мог быть он, желая поквитаться со мною.

Но я ошибался, это был слейв из девятнадцатого. В моем цеху, есть проблемные проходы, с которыми сложно справиться даже мне. Так уж же повелось, что в 19-м вечно льётся кровь. Их всегда было видно, они много ели и всегда опережали всех на несколько кругов в день. Они делали это назло самой жизни, показывая ей, что совсем не боятся её. Они бросали вызов судьбе, и всегда платили за это кровью, они торопились жить, и поэтому умирали раньше других. Сначала я думал разобраться с ними, и не понимал, почему прошлый вождь не приструнил их раньше. Но потом я всё понял. Пока я был никем, они казались мне угрозой, опасной проблемой, которая могла задеть лично меня. Но всё изменилось, когда боги улыбнулись мне. Прошлый вождь держал их около себя, как основную боевую силу. Они были лучшим представительством и защитой, на которую можно было опереться при общении с другими цехами, если не хватало логичных аргументов и древнего путаного свода противоречивых правил от мудрецов. И когда я стал вождем, я ничего не стал менять. Поэтому между нами существовало взаимовыгодное сосуществование: я не мешаю им купаться в собственной крови и умирать, а они делают это же для меня, если мне это необходимо. Многим из них светило хорошее будущее, где-то в дорогих магазинах, а может быть, даже некоторых из них оставили бы для размножения. Если они подойдут под хороший гост, в чём я почти не сомневался, их будут ещё выдерживать пять или даже десять лет.

Поэтому когда я заметил странную возню, то даже глазом не повёл. Я почувствовал, что сейчас что-то будет, слишком тяжелый стал воздух. Пусть эти дурные слейвы соберут свою кровавую жертву, если им угодно, я не против. Непонятное движение тут закончилось, и я выкинул это из головы. Мы уже доедали свою искусственную баланду. Нить матовой еды оборвалась, медленно опала на продольный стол. Тысячи рук, соревнуясь друг с другом за кусок, из последних сил расхватывали остатки еды и уносили их между других тел, куда-то вглубь от стола.

Раздались крики, ругань и звуки тупых ударов, предчувствие не подвело меня. Я повернул голову и увидел, как один из девятнадцатого повалил кого-то на пол и, не зная пощады, наносит удары. Слейва было хорошо видно, его руки вздымались вверх, и тяжело опускались вниз, неся боль и смерть. Неистовая толпа, проглотив последние куски, немного расступилась, образовав полукруг вокруг битвы, и взялась за руки. Они медленно пошли по кругу, благословляя криками танец смерти внутри хоровода. Тот, кого били, был полностью скрыт от меня, казалось, что неистовый слейв из 19-го, не помня себя, зачем-то бьёт пол. Слейв из 19-го ежесекундно скрывался из виду, то выскакивал между тел, ведущих хоровод. Бледный электрический свет и тени убыстрившегося хоровода играли мрачно, то погружая битву во мрак, то выводя ее на свет.

Старшие вокруг меня разом подскочили, но я дернул одного из них за руку, и все послушно сели обратно. Лишь один из старших застыл где-то на полпути, в его глазах загорался огонь битвы. Непозволительная роскошь идти против воли вождя. Я с силой потянул его мизинец в обратную сторону, он хрустнул. Ослушник вскрикнул от боли, но его крик утонул в шуме толпы, он тут же сел обратно.

Тот, из 19-го, истошно заорал на всю фабрику:

– Ты высший гост?? Ты? Уже нет! Теперь твоё место в бесплатном обеде для бедных!

Он дико смеялся и наносил удары. На втором этаже что-то происходило. Сначала я почувствовал новое движение в воздухе, потом несколько ламп слегка пошатнулось. По железному мостику сверху кто-то бежал, лязгая железом о железо. Въехал подвесной кран и направил сканирующие прожекторы на нас. Зелёная сетка сканера ползала по поверхностям, обволакивая всех, изучая. По движущемуся хороводу сновали зелёные полосы, тая в тенях. Из крана резко опустились два хомута, и зафиксировались на шее дерущихся, один из которых наверняка уже был мертв. На всех колоннах загорелись индикаторы с надписью: «острый пол» и раздался противный скребущий звук сирены, напоминающий скребущиеся друг о друга листы железа.

Все полы на фабрике имеют маленькие отверстия длиной в сантиметр. Если происходит что-то выходящее за рамки и это видят граждане, из отверстий резко поднимаются острые лезвия на несколько сантиметров вверх. Если в этот миг кто-то стоит на полу, то под его ногами лезвия не вылезают. Но поднимаются все соседние лезвия, и с этой секунды, ты полностью обездвижен, любое не правильное движение, чревато очень серьезными порезами. Острый пол в целом безопасен, если не двигаться, но если начать это делать, то соседние лезвия уже не уйдут под пол и ими можно очень хорошо так порезаться. Лезвия не очень совершенны, иногда бывают сбои, соседние вылезшие лезвия могут задеть ногу. Поднявшись вверх, они так и будут стоять, до тех пор, пока тревога не закончится. Поэтому каждый старается занять место на возвышении, а не на полу, но об этом обычно вспоминают поздно, и далеко не все.

Хоровод вмиг рассыпался и каждый попытался отдалиться от него, насколько это возможно. Несколько приглушенных стонов свидетельствовали о том, что кого-то лезвия всё-таки задели. В такие моменты время тянется мучительно долго. Кажется, что в таких позах ты будешь находиться целую вечность. Обычно это длится какое-то томительное время, и затем пол становится безопасным, когда граждане теряют всякий интерес к произошедшему.

Но случилось что-то и ряда вон. Спустя некоторое время в наш цех со стороны общего коридора вошло несколько граждан, впереди них тяжело шагал главный селекционер нашей фабрики. Не обращая на нас ровно никакого внимания, они, не торопясь, прошли к застывшим дерущимся. Тысячи голов бесшумно повернулись в сторону вошедших и впились в них взглядами. Начавший драку, сидел сверху на бездыханном теле другого и с интересом смотрел по сторонам.

Я обратил внимание на обувь граждан. Тяжелые ботинки с железными подошвами ступали прямо поверх лезвий, не давая им попадать внутрь. Необходимая вещь, для моего побега отсюда.

Тысячи глаз пристально провожали старого селекционера и нескольких охранников с оружием. Главный селекционер с интересом смотрел на дерущихся и остатки хоровода, находясь на почтительном расстоянии. Он вздыхал и что-то говорил сам себе в полголоса. До меня донесся лишь обрывок его речи:

– Ну, что ж вы так, нет ребята, так дела не пойдут.

Селекционер потерял к ним всяческий интерес, распрямился и осмотрел всех нас, потом обратился к охранникам:

– Утилизировать.

Он был похож на скелет. Его маленькие круглые очки почти впивались в переносицу, большие пытливые глаза и халат не по размеру дополняли картину настоящего селекционера. Руки его тряслись, и он старался держать их в карманах халата. Карманы при этом ходили ходуном. Сколько же он прожил?

Один из охранников показал жест крану, это было что-то типа «поднимай и увози». Кран без промедления натянул хомуты верх, моментально сломав шею ещё живому и уже мертвому. Их тела быстро улетели вверх. Несколько капель мочи золотыми брызгами упали на стол. Эхо прощаний погибшего организма. Я смотрел на эти отработанные остатки былой жизни. Они падали снова и снова перед моими глазами, раз за разом. Одна, вторая, третья капля разбивались об стол, передавая нам прощальный привет от уже мёртвого хозяина. И вся наша жизнь – моча, несколькими каплями она разольётся по столу, за которым будут питаться уже совсем другие. Свобода пахнет мочой, ведь теперь они мертвы и свободны. Граждане скрылись в общем коридоре, через несколько минут лезвия опустили, вернув нам привычную свободу.

Глава 11. Хороший повар нужен не везде

Недавнее прошлое

Национальная космическая программа с каждым годом набирала все больше оборотов. И как следствие, национальной программе нужно было перемалывать всё больше людей.

Сделать по-настоящему яркую космическую карьеру, как у деда, у Стейси уже не получится и она хорошо это понимала, да и данные у неё не те. Красивая девочка из очень хорошей интеллигентной семьи, конечно, могла бы рассчитывать на что-то приличное с карьерной точки зрения, но только на планете. А в космосе совсем иные требования. Она бы согласилась на всё, что угодно, на любую черновую и самую неблагодарную работу, лишь бы попасть на один из кораблей. Всё это совсем не унижало ее достоинства.

Хитрая ухмылка скользнула по её лицу. Её глаза – бесконечная выжженная ядерной войной пустыня, озарились новым смыслом жизни.

Сейчас ей было достаточно и призрака космоса, лишь его тени. Но и это уже хоть что-то, это та самая «тень тени», которая приблизила бы её к заветной мечте. Она вполне могла устроиться на побережье в центр содействия запуску полётов. Это целый город и работники

там нужны всегда. А там бы она уже придумала, что делать и как дальше быть. Выход был найден моментально, ведь она почти дипломированный повар без одного законченного курса, а этого вполне достаточно для общепита. Но была и другая сторона медали, она бесповоротно ломала себе карьеру, и уже не поработает в лучших ресторанах планеты. Ну и пусть, это не важно, лишь бы трогать звезды. Лишь бы танцевать между галактик. Дышать созвездиями далёких планет.

Слишком раздутая звездная программа, кроме большого космического подразделения, сформировала вокруг себя неприлично огромную наземную обслуживающую индустрию. Когда люди видят красивую чёрную ракету с закрученной лучевой звездой на хвосте, летящую ввысь к звездам, они наивно полагают, что это всего одна ракета и всё. Они не думают о том, что на каждого улетевшего к звездам астронавта на планете приходится более тысячи человек побочного персонала, которые так же участвовали в этом запуске. И это ещё учили только тех, кто связан с полетами напрямую!

Единственный на планете космодром растянулся на добрую сотню километров, вдоль левого побережья. Планетарный космодром, состоящий из одной крупной корпорации и сотен мелких, «поглотил» несколько небольших городков по соседству, влил их в свою структуру. Забытые всеми городки преобразились и переродились в едином новом образе. Сталь, бетон и пластик заменил обшарпанные сельские дома, а на местах пустырей взвились ввысь красивые небоскрёбы и сложные инженерные сооружения. И уже более 90 % населения этих городков были так или иначе связаны с космосом. А свежие многочисленные учебные заведения – ковали будущих покорителей чужих миров. Огромное количество филиалов передовых университетов, не относящихся к космосу, напрямую имели тут свои кампусы. Романтизм космоса как нельзя лучше захватывал лучшие молодые умы планеты, которые не боялись бесследно стигнуть в далёких мирах вдали от родного дома. К космодрому стекались все: лучшие мозги планеты, военные, просто бездельники и всякий сброд. Бизнес тоже потянул свои щупальца, густо облепляя всё, на чём можно заработать. Индустрия пережевывала их всех, каждый становился её частью и попадал в механизм на своё, предназначенное для этого место. Космодром очень быстро разрастался, создавались рабочие жилые кварталы, дублирующие и независимые друг от друга центры управления полётами. Мегагород с разбросанными вдоль всего побережья отроутками городов-спутников стремительно развивался и «тянулся» к звездам. Космодром год от года «выплёвывал» всё больше и больше космических кораблей в небесные своды.

Одновременно хоронили тысячу-другую погибших, которым повезло оказаться на «браккованном частном корабле» одного из независимых ЦУПов, и торжественно провожали десятки тысяч новых героев, несущих демократию в вечный космос на более удачливых кораблях. А на места тех и других уже становились сотни тысяч новых желающих, которые тоже хотели оставить свой след в истории. И что врать, планета медленно и необратимо умирала, многие это хорошо понимали и искали новый дом для себя и потомков. Далеко не все были под легким флёром космической пропаганды, многие делали этот выбор в пользу судьбы колониста вполне осознанно, прагматично и взвешенно. Некоторые пытались сбежать от бытовых проблем, ответственности, закона. Граждане с темным прошлым и неясным будущим стекались в бары и труппы большого космического города в иллюзорной надежде найти какой-то способ улететь с планеты. Чаще всего, не находя таких вариантов слиться в новые миры, они улучшали статистику преступности целого региона, кривая неуклонно росла вверх.

Хорошо знакомые каждому звёзды с восемью лучами, знак демократической цивилизации людей, попадались повсеместно. Патриотичные штампы с главным гербом ОШП пестрили по всему городу. Эти знаки были на форме сотрудников и на городском транспорте. Так или иначе, герб и его производные обыгрывались у большинства компаний, связанных с космической индустрией. Все звездолёты имели этот знак на своем корпусе, как дань памяти родному дому, который они оставляют.

Стейси разослала свое резюме в несколько небольших обслуживающих компаний, которые занимались питанием рабочего персонала. Ей ответили почти все, ведь везде нужны хорошие повара. Стейси догадывалась, что везде сойдут и нормальные и даже вполне посредственные повара. Ей было не принципиально, где и даже кем работать, свою перспективную карьеру она уже похоронила. И вот в третий день после дня прощения у планеты, она стояла напротив вывески со звездой на фоне бургера и с интересом вглядывалась в логотип. Уже через десять минут, она успешно прошла собеседование, её пригласили на работу в одну из столовых в самое сердце космодрома.

Сама судьба нежно толкала Стейси в нужном направлении, вперед к её заветной мечте о звездах. По вечерам, когда она выходила с работы и шла через несколько кварталов нового города в своё общежитие, она смотрела только вверх, и мечтала. Она видела, как в звёзды взмываются большие корабли. Холодной бледной полоской на небе разрезая ночь, они улетали всё выше, совершенно не обращая никакого внимания на неё. Уже через какой-то год Стейси, будучи очень умной и пробивной девочкой, смогла подружиться с новыми людьми, закончить курсы медсестёр, прослушать открытые вводные курсы астронавтов. И закончить ещё кучу всего «около космического» как она сама же и выражалась по этому поводу. Она дотянулась до всего, до чего может дотянуться человек, находящийся в непосредственной близости от космодрома и даже больше.

Но и это не очень приближало её к космосу, оставались специфические требования по здоровью, психическому состоянию, возрасту, и множество других факторов, одни из которых были мудры и правильны, а другие являлись совершенным анахронизмом, но все ещё стояли на ее пути. Она хотела шагать по звёздам, но у неё не было космических ботинок. Она видела эти «космические» туфельки на витрине её мечты, но не могла их купить.

Те ценности, что пропагандировались с каждой пяди рекламных пространств, оказались наглой ложью. Все лозунги «Ты нужен звёздам» и «Космос для всех», и ещё бесконечное количество других, всё оказалось неправдой. Эти заманчивые рекламные заверения привлекали обывателей всей планеты, и только тут, в космическом сердце планеты, всё разбивалось о суровую реальность. Только на словах космос был для всех, и широкая программа космической колонизации подразумевала равный доступ для всех граждан. Если убрать весь обслуживающий персонал, все смежные «около» космические отрасли, которые обвили огромный космодром вдоль и поперёк, то в космос улетали единицы. Пролететь в эту очередь было практически невозможно.

Государство и корпорации постоянно искали подходящих людей по всей планете. За лучшими из представителей граждан, которым выпадет честь колонизировать дальние миры, охотились «хедхантеры». Они получали безумные деньги за каждого завербованного, но только с тем условием, если он в итоге полетит в космос. Но и лучших из лучших были единицы, они попадались крайне редко. Может, геном человека вырождался или экология портилась, для Стейси все это было до конца не понятно, но она лично видела какие крохи от общего числа бывающих тут граждан, в итоге, улетают. С другой стороны, поджимали военные, у которых были собственные интересы. Для Стейси эта часть космической «кухни» была совсем закрытой, но не меньше половины команд каждого корабля составляли люди с военными званиями на нашивках.

Причина такой избирательности вполне банальная – деньги и безопасность. Государство руками корпораций тратило редчайшие ресурсы. На развитие и поддержание «космического конвейера» тратились совсем неприличные суммы, которые даже боялись оглашать. Правительство экстренно искало пути для колонизации дальних миров, но работало с ограниченными ресурсами, и поэтому «абы кого» в космос не пускали. Риск потерять огромные денежные вложения, сам корабль и экспедицию с передовыми технологиями, заставлял относиться к

этому делу очень педантично. А еще были очень веские причины торопиться с колонизацией миров, где причина – вымирание планеты в неясном будущем, была далеко не самой главной.

Всё это было не очевидно большинству граждан, они видели позитивную и простую картинку по экранам или экранету. Звездолеты взлетают в космос, чиновники рапортуют об успехах, бизнес о гигантских прибылях. И одновременно, как обстояли дела на самом деле, было хорошо понятно последнему уборщику на космодроме, в том числе и самой Стейси.

По конституции, любой имел право подать заявку на участие в космических полетах. И по той же конституции государство, руками чиновников, могло отказать в этом праве по миллиону причин.

Стейси сидела на неудобной пластиковой скамейке, с другими страждущими до космоса. Рядом с ней сидел подозрительного вида мужчина с повадками уголовника, сумасшедшая бабка и еще несколько странных людей, чьи странности ускользали от неё. Стейси игнорировала всех и смотрела на стеклянную матовую дверь перед ней. На двери то вспыхивали, то гасли знаменитые люди прошлого. Их цитаты плавали рядом с ними, и от каждого из высказываний давно мёртвых поэтов и певцов, ученых и политических деятелей, почему-то становилось тепло на душе. Каждая цитата как бы подбадривала Стейси и намекала на то, что у неё все получится.

На двери загорелся номерок Стейси. Она сверила номер на своем телефоне и быстро зашла внутрь, ни на кого не глядя. В обшарпанном помещении с маленьким окном сидел лысый мужчина в сером костюме под цвет его кожи, и со скучающим видом смотрел на экран. Стейси поздоровалась и села на неудобный маленький стул из твердого пластика. Что-то подсказывала ей, что на таких стульях долго не сидят. Лысый мужчина перевел взгляд на неё, сложил руки на столе и тоже поздоровался со Стейси.

Повисла тяжелая пауза, которую прервала Стейси:

– Я хочу...

– У вас есть какая-то иная профессия, кроме незаконченного поварского образования?

– Нет.

– Тогда ничем не могу вам помочь.

– А кто вам нужен?

– Да много кто: ученые, инженеры, фермеры и ковбои, врачи и еще другие нужные специальности. Нам нужны строители, геологи, ботаники, химики и физики определенного уровня компетенции. Общий перечень профессий висит на нашем экрайте. Я отправил памятку на вашу почту.

На «нужных специальностях» он сделал ударение, и это было слишком. Стейси начинала злиться, внутри неё заклокотал вулкан. Собрав все мысли в кучу, она, по возможности спокойно, спросила:

– Может, можно что-нибудь...

– Нет.

– А мои курсы? Я столько всего...

– Нет.

– А если я получу нужную профессию?

Мужчина равнодушно поднял плечи и наплевательски сказал:

– Идите, получайте.

Он смотрел на неё, её не видя, лениво опершись на локти. Стейси поняла, что всё бесполезно. Она упёрлась в самое толстое место бюрократической машины. Она пыталась пройти в том месте, которое специально было создано для того, чтобы через него нельзя было пройти. Стейси знала от знакомых, что если бы даже у неё было нужное образование, то этот идиот непременно бы заметил, что уровень её образования недостаточен для комической программы. Это понимал лысый мужчина, и это понимала Стейси. Зачем она вообще пришла?

Не прощаясь, она встала и вышла из комнаты, демонстративно громко хлопнув дверью.

Она пыталась решить проблему и так и эдак. В меру своей профессии пыталась водить знакомство с людьми, которые регулярно ели в её столовой. Но выходило это дурно, ведь повар всегда на кухне. Она наводила мосты через компанию, на которую работала, но эти мосты утыкались в туманное никуда. Её знакомые, подружки, все были за той гранью, за которой начинается космос. Каждый был где-то там, где прямой связи с нужными людьми не находилось. Многие ей сочувствовали и вполне хорошо её понимали, ведь большинство людей здесь находится не только с целью зарабатывать, хотя таких тоже хватало, а по зову сердца, по романтике души. Но романтика космоса разбивалась о бюрократический быт.

Стейси даже пошла совсем на отчаянные меры. Она позвонила домой, попыталась надавить на отца через маму. Но её родители, встав единым фронтом, непробиваемой стеной, в очередной раз отказались ей помогать.

Глава 12. Гост

Настоящее время

Я иначе представлял последний день жизни. Я всегда думал, что в этот день я пойму что-то особенное и сокровенное, что на самом деле всегда было при мне, с первых дней жизни, и вот, на её закате, это «что-то» откроется для меня. Я думал, что ящик пандоры вскрыется, и я пойму, зачем родился, зачем жил и зачем теперь умираю. Каждый день я думал, что проживу ещё, что «не сегодня», и впереди ещё много дней. Где-то в глубине души, я надеялся, что этот день никогда не наступит. Что само время застынет, и я буду жить вечно. Но последний день наступил. Последний день всегда необратимо наступает. В моей голове было по-настоящему чисто и пусто. Но в ней не было ясности, понимания сокровенных истин. Только полная, и всепоглощающая пустота. Никогда не чувствовал себя настолько глупым и чистым, как будто вся моя глупость прогнала ответы на самые важные вопросы, и сейчас договаривалась с пустотой внутри меня.

Сегодня я встречусь с Богами, которые подведут черту всей моей жизни, поставив мне справедливый гост за прожитое. Сегодня на меня и мой гост будут смотреть все мои предки, либо с одобрением, либо с укором. Гост это похоронный колокол, прощальный набат по нашим жизням. Получив свой гост, любая особь направлялась на переработку, а потом в магазины, на склады, к бедным, куда угодно, но в сторону ближайшего и бесповоротного конца под разделочным ножом граждан. Мне не понятна разница в его оценке, какой бы «гост» мне не дали, это смерть. Весь божественный флёр куда-то мигом сдуло. Я вспомнил историю про двух друзей с разным гостом и про неудавшегося Вождя вождей. Время каждого из них истекло, истекло и моё. Закат моих дней режет мне глаза ярким светом. Грущу ли я о прожитом? Думаю ли я о днях минувшего? Нет, ни о чём таком я не думаю. Прожил ли я иначе, если бы...

Если бы что? Пустой вздор. Как не живи, все равно умрёшь.

По крыше фабрики глухо барабанил дождь, провожая нас в последний путь. Я слышал от других, что это явление выглядит как тонкие железные змейки наподобие еды, только падающие со всего неба, без ограничений на пространство стола. Хотел бы я хоть раз увидеть эти железные, дождевые колбаски. Я никогда не видел настоящего неба. Мудрецы и вовсе не видят его, они живут в вечном мраке закрытого цеха, но за это с ними говорят Боги. Некоторые завидуют вечности мудрецов, и вечную тьму считают малой платой за это. Мы почти ничего не знаем о своём народе, всё для нас потемки. Но я знаю, что мы дети звезды, яркой и сильной. Жизнь во мраке для нас хуже самой смерти. И мои мысли только что о небе, о любом, холодном

или добром, но о небе. Я готов отдать всю свою жизнь, быть съеденным прямо сейчас, лишь бы на секунду увидеть небо, его край, дотронуться рукой до воздуха на улице.

Вообще звуков дождя не было слышно, за гулом слейвофабрики, и за вечным движением подвесных кранов и из-за тысячи других причин. Но каждый безошибочно угадывал, если на улице шёл дождь. В этот миг к общему гулу завода прибавлялась лёгкая, почти не слышная дробь, которую было слышно, только если очень-очень вслушиваться. Только через много лет жизни тут можно было угадать крупные капли стальных нитей, бьющие по рефренной железной крыше. Некоторые даже различали разные виды дождя: косой или прямой, шквальный или совсем лёгкий, неосязаемый. Особенно чуткие безошибочно угадывали снег, замёрзший железный дождь, но я не очень понимаю, что это такое. Поговаривали, что когда идёт снег, крыша становится тяжелее и сильнее гнетёт сверху.

Мне плохо спалось, я проваливался в сон и выныривал из него, дверь поднималась, как в тумане, а мне на ноги падал бледный свет. Тоненькие деревья, сонно качаясь на ветру, то приближались ко мне, то отдалялись в туман. В какой-то момент сон совсем покинул меня, и я усталился в вечную темноту за лампами. Я приподнялся на локтях и осмотрелся, в полумраке было видно, что многие не спят. Кто лежит на кровати, подперев руки под голову, а кто сидит на ней, свесив ноги вниз.

Ходить во время отбоя невозможно, пол острый, и поэтому все находятся на нарах или передвигаются между ними.

Включился свет, заиграла музыка:

*Неси лучи звезды в своих руках,
Космические дали покорятся нам.*

Дальше музыку я уже не слушал. Лучей в руках у меня нет и самой звезды тоже никогда не лицезрел. Людской шум всполохнул весь цех, пол, характерно лязгнув, опять стал безопасным.

Из громкоговорителей по всей фабрике раздался жизнерадостный голос:

– Третья трансграничная корпорация Ричард и Сыновья уже более 176 лет кормит граждан всей планеты.

Рёв голосов со всей фабрики слился в единый ответ:

– Третья трансграничная корпорация Ричард и Сыновья уже 176 лет кормит граждан всей планеты.

Древняя традиция на грани иронии и глубокого сарказма. По поверью, если точно повторить эту фразу за голосом, то это принесёт удачу. И потому сегодня в ответе слышалось чуть больше, чем обычно.

Мы вышли на торжественное построение вдоль всего обеденного стола. Молодёжь хорохорится, ведь теперь они хозяева этого цеха. Старики задумчиво оглядывают высокие своды цеха, навсегда прощаясь с ним. Въехали подвесные краны и застыли над нами. Вниз спустились сотни магнитных хомутов с ошейниками на конце и выборочно затянулись на шеи у некоторых. Я почувствовал удушающий на шее хомут, моё время тоже вышло. Так мы устроены, даже находясь перед лицом общей смерти, радуемся, если умрём несколько позже других. Довольные и плохо спрятанные ухмылки молодых, особенно чётко я увидел их на слейвах из девятнадцатого. Вождь умер, вернее, вот-вот умрёт, и начнётся борьба за трон. Глупые дети, они ещё не знают, сколько их крови прольётся уже этим вечером. Умирая старики, всегда уносят с собой молодых.

Мало кто из присутствующих здесь помнит, при каких обстоятельствах я стал вождем. А на тех, кто ещё помнит, тоже опустились магнитные хомуты. Они уже не смогут рассказать, убережёт молодых от старых ошибок.

Во время прошлого исхода стариков, ушел и вождь, а вместе с ним и все старшие, созревшие для забоя. Вечером, через несколько минут после отбоя, практически в полной темноте, началась кровавая каша. Подростки, обезумев от жажды власти и страха, прыгая от койки к койке, скидывали друг друга вниз в пропасть между рядами нар. Дети сыпались вниз целыми гроздьями. Всего через несколько секунд, резкие звуки ударов о лезвия пола сменились мягкими глухими ударами тела о тело. Весь низ был усеян телами в несколько слоев. Многие ещё были живы, но их придавливали новые и новые упавшие. Ожесточенные схватки происходили на всех ярусах, бились на смерть, ломая друг другу руки и ноги, откусывая пальцы, выдавливая глаза. Охотились за бирками на ушах, как за единственным легко доступным трофеем. Среди них был я, и некоторые те, кто выжили и сейчас находятся тут. Не помня себя от страха, я забрался на самый верхний ярус, попутно скидывая вниз любого, кто на миг высунется в тёмный проем. Хватая за волосы на голове, за руки, я с силой тянул вниз, а сам лез вверх. Оторвав два или три уха, и еще откусив одно и выплюнув в пропасть бирку, я карабкался вверх. Я успокоился только когда долез до девятого яруса. Там почти никого не было, и я смог пробраться до первой койки у входа. Тут я смог засесть в углу, и держать оборону до тех пор, пока не подъехали подвесные краны.

Сотни хомутов опускались вниз, выхватывая живых и мертвых, искалеченных и тех, кто просто дрался внизу на телах погибших. В полной темноте подвесные краны забирали тех слейвов, которые остались без уникальной бирки, и следовательно – не существовали. Я с ужасом смотрел, как тени взмываются на тросах вверх. Все это длилось не больше какой-то минуты. Выжившие в битве тяжело дышали, забившись в свои койки, и уже не хотели смотреть друг на друга.

Так я стал вождём своего цеха. Потом многих тех, кто выжил тогда, забрала судьба. И сейчас я видел всего несколько тех, первых, которые были со мною с той самой ночи. Через несколько дней наш цех заселили новым, более молодым поколением. И не зная иного, они приняли мою власть безоговорочно.

Хомут медленно потянул меня за шею вперёд. Многие из оставшихся в цеху сейчас думают, что через хомуты сами Боги отмечают тех, кому пора умирать. Но это не так, я знаю, как это происходит на самом деле. В ухе каждого находится бирка – маяк с уникальным радионумером. Подвесной кран видит по биркам всех стоящих снизу, и выпускает свои щупальца – длинные сложные хомуты с удавкой на конце. И каждая удавка ловит свою, нужную ей бирку за голову её хозяина. Если у особи нет бирки, значит она не опознана, неликвидна, и её изымают из стада. Многие живут всю жизнь с ложным заблуждением, что это Боги забирают тех, кто опозорился, потеряв свою бирку в бою. Но каждый Вождь знает правду и поэтому молчит: слишком много крови может пролиться, если об этом узнают все.

Я огляделся кругом, много тросов уходило вверх к нескольким кранам под потолком. Краны обрисовывались лишь габаритами огней да слабым отблеском лобовых стёкол. Тросы сверкали железом, на них играли лучи, летя по ним вниз. Все заметно нервничали, переминались с ноги на ногу и отводили взгляды, почти все смотрели в пол. Все это означало завершение жизни, ещё какое-то время, и я стану рагу или отбивной. И эти мысли гуляли в каждом из нас, у кого-то проступали слезы. Каждый готовился к этому всю жизнь, с самых ранних лет, но именно сейчас стало до ужаса страшно. Всю жизнь, готовясь к смерти, где-то в глубине души надеешься, что обойдется. Не обошлось. У меня тоже предательски задёргались глаза, но все отводили взгляды друг от друга, пряча их куда угодно, лишь бы случайно не встретиться взглядами с кем-то.

Чтобы унять чувство собственной беспомощности, я пообещал себе очень дорого продать свою жизнь и не сдать без боя. Даже если это бесполезный и глупый бой, пусть подавятся мной. Мысли о беспомощности роились где-то в голове, и прогнать их не выходило. Я же мог сбежать раньше, я бы мог что-то сделать, чтобы не стоять теперь вот так вот, перед забоем.

Но это, конечно, сильное утверждение для моего напуганного разума. Сбежать отсюда я бы не смог, никто не может сбежать отсюда.

Я посмотрел вверх, сегодня там было светлее, чем обычно или мне только так казалось. Тени суетились наверху, у них сегодня тоже трудный день.

С каждым цехом движение замедлялось от вливающих в общую процессию слейвов. Много знакомых вождей и старших встречал я в этой процессии. Где-то на миг мелькнул 34-й вождь и пропал, очень жаль, я хотел проститься с ним.

Я вслушался в напуганные голоса из толпы:

– Мне не стыдно престать перед Богами...

Их перебивал шквал других голосов:

– Сегодня мы встретим всех своих предков...

Ещё много о чём говорили другие, перебивая друг друга и смешиваясь в общую кашу.

Проходя маленькие окошки мудрецов, я слышал слабый смех из вечной темноты. Мы дошли до самого конца общего коридора, который был для нас всей жизнью. Глухая стена с надписью «Г24», лязгнув, стала медленно подниматься, осыпая песок и разнося пыль. Нам предстояло увидеть больше того, что мы видели за всю жизнь, и заплатить нашим Богам за это всем, что у нас есть.

За спиной я услышал шёпот:

– Лишь бы в ресторан, лишь бы в ресторан.

Мы медленно вошли в широкое помещение, терявшееся далеко в дали, целиком разделенное на квадраты вольеров с железными сетками. Хомуты упрямо вели нас в первый квадрат. Второй этаж был и тут, по нему сверху сновали граждане. Сложная сеть мостов на втором этаже обвивала сваи, на которых держалась крыша мира и терялась в разных сторонах множеством переходов. Вверху было светло, и я никогда не видел столько граждан в одном месте. Над нами, около самого входа, я заметил знакомого старого гражданина, которого однажды видел в своем цеху. Он внимательно изучал планшет в руках, иногда переводя взгляды на нас.

Через несколько минут, впереди нас, противно лязгнув, опустились двери сетки и мы прошли в следующий квадрат. Когда впереди стоящая группа уходила из одного вольера в последующий, за ней поднималась сетка, а перед нами открывалась. Так из квадрата в квадрат мы двигались дальше.

У меня создалось впечатление о полной автоматизации процесса. Граждане лишь наблюдали со второго этажа за происходящим, никакого участия в этом не принимая. Только сейчас я додумался посмотреть назад, бросить последний взгляд на тёмный дом, где прожил всю жизнь. Хомут душил меня, больно врезавшись в шею. Насколько возможно, я оглянулся назад. За нами уже стояли заполненные квадраты вольеров. Мы двигались прямо от выхода из дома. Почти ничего не было видно, только часть ворот и буквы: «Г24» в верхней части. С обеих сторон, насколько хватало глаз, торчали открытые провалы других ворот. Я видел ближайшие ворота с двух сторон от родных мне, с номерами «Г23» и «Г25». За более высокой цифрой следовали другие, на увеличение, а за более малой, наоборот, на уменьшение. А другие ворота растворялись вдали. Разглядеть, что происходит на нашем уровне, у меня не выходило. Решётки и слейвы, слейвы и решётки. И вся масса медленно движется вперёд, переходя из одного вольера в другой.

Первый раз в жизни я смог рассмотреть кабину подвешенного крана. Вернее то место, которое мы считали кабиной водителя. На самом деле это оказалась гранью железа, которая во мраке нашей фабрики играла с нами шутку в бликах бедного света. Здесь были тысячи подвешенных кранов, танцующих безупречных архитектурный танец под потолком. Они двигались правильно, без ошибок. На освободившееся место от одного крана, сразу вставал другой. Роботы, автоматизированные краны, роем направляли нас вперёд к смерти. Живой организм не способен на такое идеальное движение. Ни один кран не мешал другому, и большие связки тросов

от хомутов не спутывались между собой. Часто тросы хомутов практически незаметно переходили от одного крана к другому, при этом траектория нашего движения совсем не менялась. Я понял, что фабрика – это огромный автоматизированный город. А граждане лишь надсмотрщики.

Мой мозг не хотел сдаваться, даже при приближении очевидного конца он искал искру надежды, чтобы не свихнуться и спасти своего носителя. Еще есть маленький шанс, в который я сейчас искренне верил, что проживу немного подольше других сородичей. Меня могли оставить на развод потомства, а это ещё пару лет на фабрике. Еще могли отправить в живом виде в хорошую торговую сеть премиального сегмента, если я подойду под хороший гост. Существовала крайне малая вероятность попасть в стратегическое государственное хранилище, и тогда у меня было бы ещё лет пять или около того. Я внутренне сам себе улыбнулся, жизнь могла быть ко мне более благосклонна. Кто знает? Ведь я никогда её ни о чём не просил, тут особо не о чем просить.

Тем временем, мы медленно переходили из квадрата в квадрат. Решётки с лязгом опускались, мы шли дальше, пока не упирались о закрытую решетку нового квадрата. Справа и слева параллельно двигались другие потоки. Мы с интересом смотрели на соседей сквозь решётку, а они на нас. Мы никогда не видели друг друга, и смотрели теперь во все глаза. Одна сторона особенно привлекала наша внимание, там стояли женщины. Они тоже очень внимательно на нас смотрели. Они находились с той стороны, куда уходили двери обоих цехов размножения с нашей фабрики. Каждый из нас обращен во взгляд, ведь творится такой шум, что расслышать что-то совершенно невозможно. Но наши глаза сейчас стали всем на свете, и ушами и голосом, и самой душой.

Впереди опустилась последняя сетка. Мы вошли в общий огромный вольер. Мне показалось, что кто-то смотрит на меня. Я быстро огляделся, но никого не заметил. В распределительном вольере не было ни капли свободного места, со спины уже подпирали вошедшие следом.

Впереди уже не было клеток, только в нескольких метрах от нас глухая чёрная стена до самых сводов и много однотипных дверей. Общую массу тут разделяли на ручейки с помощью железных ограждений, грубо выкрашенных в жёлтый цвет. Ограждения давно стёрлись по бокам, обнажив стёртую почти до основания железную начинку стального цвета. Магнитные хомуты от подвесных кранов, не зная ошибки или тени сомнения, нитями направляли слайвов к дверям. Что происходило у самых дверей, мне было не совсем понятно. Повторяющийся щелкающий звук, за которым следовало открытие или закрытие двери. Над дверьми зажигались лампочки и гасли, и очередь на миг передвигалась вперёд. Нехорошие мысли посетили меня.

В подтверждения моих мыслей, где-то рядом я смог разобрать практически не живой голос:

– Мясорубка, это мясорубка.

Я приближался к дверям и тут мои знания закончились. А где кончаются знания, начинается страх. Какие-то представления о распределительном вольере у меня ещё были. Мы иногда слышали обрывки фраз со второго этажа. Но двери и что за ними, были для меня большой загадкой, я никогда не слышал о них. Страх нарастал, и достиг апогея, когда я вспомнил слова про мясорубку. Там же могут сразу забивать, и не будет тебе никаких ещё нескольких лет жизни. Тревога нарастала не только во мне, я чувствовал страх других по нервным взглядам и рваным движениям тел. Все жалась подальше от дверей. Но хомуты не давали и шага назад сделать. А новые слайвы всё прибывали и прибывали, поджимая спины.

Вся моя жизнь пролетала перед глазами, каждый одинаковый день. Я почему-то вспомнил одного вождя, ныне мёртвого и следовательно забытого. Он как-то говорил, что наши надежды на высший гост и варианты протянуть ещё несколько лет – сущая глупость. Что нас

просто разделяют, отделят мясо от субпродуктов, вот и вся история. Вдруг и старые байки про светлые залы Богов тоже не правда? Откуда я вообще знал про леса, полные дичи в лучших мирах? Я быстро думал, и пытался вспомнить от кого и когда я это слышал в первый раз и не мог вспомнить. Я просто знал это всегда.

Я оглянулся назад на верхний железный помост с гражданами, под которым мы проходили только что. Вверху несколько граждан делали пометки в компьютерах, а охранники говорили между собой, никому из них не было до нас никакого дела. Я уже представлял, как заберусь туда, и покидаю каждого из них вниз, в толпу, которая разорвёт их на части. Но хомут...

Тот самый хомут, очень навязчиво тащил меня вперёд, толпа тоже подпирала. Я уже стоял вдоль стёртых желтых ограждений к одной из дверей. Теперь я смог рассмотреть, чем был этот характерный шелкающий звук. За каждым впереди падал стоящий маленький стальной турникет, разделяя по одному. Конвейер безжалостно пережёвывал нас, таща вперед, разделяя на ручейки, и потом разделяя по одному. Я пытался остановить само время, чтобы оттянуть миг захода в дверь. Но чем я больше думал об этом, тем предательски быстрее оно ускорялось. Время – жестокая мразь, не знающая пощады. Время, услышав такое оскорбление в свой адрес, обиделось на меня. И вот за моей спиной опустился вниз стальной турникет. Толпа впереди стремительно сокращалась, исчезая за дверью, а меня со спины подталкивала холодная и безжалостная сталь.

Только сейчас я заметил вокруг себя холодную тишину. Густая палитра звуков доносились из распределительного вольера и гасла тут в холодном ужасе. Каждому всегда есть, что сказать перед смертью, даже если они всю жизнь не имели собственного мнения. Но уже у самого порога смерти всё сказано и наступает тишина. Слышались только однообразные щелчки турникетов: тыц-тыц.

Турникет тащил меня вперёд, к поднявшейся вверх двери, холодное прикосновение со спины исчезло, только когда я оказался внутри. Дверь быстро опустилась обратно. Я даже не успел на прощание посмотреть на своих собратьев, с которыми прожил всю жизнь. Меня обступила маленькая стальная комната, в которой я сразу потерялся в пространстве. Нет ни одного входа, всё едино вокруг. Я провёл рукой по всем стенам кругом, ища ту, из которой я попал сюда. Стены отзывались равнодушным холодом, им глубоко плевать на мою судьбу. Только сейчас я заметил, что хомута на шее нет. Через миг, на руках что-то щелкнуло и с силой потянуло меня вверх. Два магнитных наручника держали меня в метре над полом. Я висел, чувствуя нудную боль, которая разливалась по всему телу. Руки начали коченеть, весь вес тела пришелся на запястья.

Сейчас Боги призовут меня к себе. Я закрыл глаза, и представил, как буду вечно охотиться в лесах вместе с моими предками.

Глава 13. Самое великое разочарование

Не очень далёкое прошлое

Встреча с инопланетянами была древней мечтой человечества. С самого зарождения мысли надежда на близкий по духу разум, забросанный злой судьбой куда-то далеко меж звезд, не ослабевала в сердцах людей. И сомневаться в том, что они есть, не приходилось. От века в век, мнение на этот вопрос менялось от крайнего негативного отрицания до безумного богоподобного обожания. Были моменты исступлённого мракобесия и любого отрицания, за которыми шли века просвещенного абсолютизма, и потом опять мракобесия. Но огонёк надежды не гас, люди ждали и это ожидание длилось долго. Размеры вселенной и сильная отсталость людей в техническом плане откладывали самую важную встречу на дальние и неясные перспективы.

Несколько веков технологического топтания на одном месте научили человека самому главному в жизни – терпению.

В какой-то момент, неожиданно раздался долгожданный сигнал из чужого мира. Никаких сложных и спрятанных головоломок с подсказками, над которыми бы безуспешно бились великие умы. Не было и непостижимых методов передачи данных, до которых еще пилить и пилить научный гранит прогресса. Они связались просто, даже можно сказать, что практически позвонили в приёмную к гражданенту.

Опасливые голоса трусливых людей раздавались с разных частей планеты. Они говорили, что связываться с чужими расами опасно и просто безрассудно. Ведь они могут быть захватчиками, колонистами, которые ищут новый дом, паразитами, организмами, которые мы даже не сможем понять или осмыслить до конца. Они могли принести опасные вирусы, от которых у человека не будет иммунитета, и эти невиданные болезни уничтожат всё живое. Или влияние чужого разума изменит человечество в худшую сторону. Неизвестный, а следовательно, опасный потенциал инопланетян был не понятен. Люди очень боятся того, чего не могут измерить или оценить. Человек вообще так устроен, боится всего, чего он не понимает. Человечество боялось еще и того, что чужой разум может быть таким же, как и у самого человека. Ведь ещё не стёрлись следы прошлых веков, полных ядерных войн, бессчётных проблем и ужасного голода. Это было очень давно, но сложности прожитых веков, ещё ходили эхом в сердцах людей.

Но корректные и вежливые инопланетяне были готовы и к этому повороту событий. Они доступно объяснили, что готовы ждать того времени, когда человечество будет готово к адекватному и взвешенному общению с чужой расой. Чужаки уже знали и других представителей разумной жизни во вселенной. Мир людей был для них уже третьим на космической пути их цивилизации.

Но тогдашний гражданент ОШП решил, что любой контакт с разумной жизнью, нежели любая форма отказа от него, меньше из зол. Он вполне логично рассудил, что если бы чужая раса была враждебна, она бы уже давно вторглась и не ждала абсолютно никаких приглашений. И в связи с этим бояться либо уже поздно, либо попросту нечего.

Искорки трусливой истерии и недоверия, военных настроений, густо вспыхивали повсеместно. Но очень легко тушились, гласностью, многочисленными ток-шоу, экранетом, и прочим-прочим. Военных, за слишком активное рвение в этих вопросах, отправляли в отставку с повышением, а гражданских попросту игнорировали либо доносили им правильное мнение, которое они и принимали, как единственно верное. Вообще нет такого, чего нельзя втемашить в человеческие головы. Поэтому правильно смоделированное мнение большинства избирателей не могло быть иным, кроме нужного.

Инопланетяне дали устные гарантии мира и попросту прилетели. Готовились к встрече на самом высоком уровне. По инициативе людей всё было согласовано до самых мельчайших деталей. А инопланетяне особенно ничего и не требовали, они просто были рады любому контакту, а все «сложности» и «правила» этикета можно было бы оставить на последующие визиты дипломатов. Им было важно лишь познакомиться, найти общий язык двум разумным расам, одна из которых представляла сразу три различных цивилизации.

Опросы общественного мнения, которые показывали по центральным каналам, красноречиво показывали, что более 87 % граждан поддерживают политику контакта с чужаками. Что люди ждут от него особенных свершений, нового скачка развития для всего человечества, начала эры космических экспансий, которая почему-то буксовала уже много лет. Две убогие космические станции болтались без дела на орбите, выстраданные человечеством в муках несколькими веками технологического невежества, были самым верхом прогресса.

По всем экранам показали мнения обывателей. Седой солидный мужчина, выходявший из универмага с полной тележкой, важно остановился рядом с лощёной репортершей и, откашлявшись, сказал:

– Я все детство мечтал о том, чтобы они прилетели, и как я счастлив дожить до этого момента.

Следующая съёмочная группа уже тянула черный мохнатый микрофон к ребёнку, который играл на зеленой лужайке позади опрятного частного дома, разговор показывали уже с середины:

– Я им подарю дога Тилли!

И ребенок показывал игрушечную плюшевую белую собачку с темной мордой. Далёкую пародию на давно вымерших домашних животных.

Далее показывали неотесанную деревенщину из южных штатов. Он стоял в клетчатой рубашке, с запущенной бородой, что-то пожёвывая, на фоне покосившегося старого дома с покатым крышей.

Когда ведущий подошёл к нему, он плюнул в сторону и недоброжелательно сказал:

– Мы, Макконахи, живём тут уже триста лет, и я знаю свои права. Пусть только сунутся, у меня для них припасено много свинца!

Но общественное мнение не было бы объективным, если бы не брали во внимание мнение специалистов, которые экспертно разбираются в данном вопросе.

Тёмная коричневая комната, заставленная книгами, позади камин, а на переднем плане в мягком коричневом кресле из кожи слейвов сидит ученый муж, которого вполне уважали в обществе, и его речь тоже была показана с середины:

– Ну, если взять этот вопрос и положить его на чашу весов...

Далее следовала многозначительная пауза, именитый учёный что-то обдумывал и, наконец, сказал:

– Любой контакт с разумной жизнью лучше, чем его отсутствие, ведь мы можем столько всего узнать. Решить наши проблемы, поправить экологию, колонизировать космос, наконец, узнать волнующий вопрос о том, есть ли Бог?

Ученый еще долго говорил, но его речь оборвалась так же моментально, как и началась. Подобные репортажи следовали друг за другом уже много месяцев, чтобы успокоить людей и создать позитивную картину о визите гостей.

Долгожданный день состоялся, чужой корабль вошёл в атмосферу и приземлился прямо на синтетической зеленой лужайке перед чёрным домом. Молодой и амбициозный гражданин, который уже подумывал о втором сроке, выбрал для встречи не деловой костюм главы планеты, а простые джинсы и футболку, тем более погода на улице стояла отменная. И даже казалось, что белое небо сегодня немного отдает голубизной, но это только так казалось.

На почтительном расстоянии у самого чёрного дома были собраны лучшие представители человечества, среди которых, конечно же, не было самых главных властелинов этого мира.

Властители смотрели, как приземляются инопланетяне, сидя в придорожной забега-ловке, где-то на другом конце планеты. В относительной близости от сверхсекретного бункера-города. На всякий случай. И пока этот случай не произошёл, они ели, веселились, и следили за происходящим в реальном времени. В кафе была пара маленьких экранов на стенах, и редкие дальнобойщики тоже смотрели затейливый прямой эфир. Все взгляды мира сейчас были прикованы к главной лужайке планеты. Даже старенькая и худая официантка, в затасканном рабочем розовом платье, которое сидело на ней мешком, на миг, встав позади толстых дальнобойщиков, с интересом уставилась в старенький экран, подвешенный под потолком. Они – настоящее хозяева планеты, брезгали смотреть со всеми на одном экране, и поэтому просто облокотили самый большой смартфон на салфетницу и с большим интересом взирали туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.